

учатся жить хорошо да и не могли бы. Ибо какимъ образомъ мужъ, который рабъ своей челюсти и подчиненъ своему желудку, могъ бы приобрести богатство для увеличенія отцовскаго (наслѣдства)?... Порицалъ я также обычай эллиновъ, которые ради нихъ собираются для пира, цѣня глупыя удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу принесъ родному городу, получивъ вѣнокъ, мужъ, отличившійся въ борьбѣ, или мужъ быстроногій, или бросившій (дальше всѣхъ) дискъ. или прекрасно ударившій по щекѣ? Развѣ съ врагами сражаются, имѣя въ рукахъ диски, или безъ щитовъ ударами руки изгоняютъ враговъ изъ отечества? Никто не станетъ глупо поступать въ отношеніи этого на войнѣ. Но, полагаю я, должно увѣнчивать листьями мужей мудрыхъ и хорошихъ, и того, кто, будучи благоразумнымъ и справедливымъ мужемъ, управляетъ городомъ самымъ прекраснымъ образомъ, и того, кто рѣчами прекращаетъ дурныя дѣла, предотвращая битвы и возстанія. Ибо это является прекраснымъ для каждого города и для всѣхъ эллиновъ.

Эти (мысли) Эврипидъ заимствовалъ изъ элегій Ксенофана Колофонскаго, сказавшаго такъ (*цит. В 2*).

12. Гераклитъ.

Эфесскій басилевсъ (см. А 1, 6 и А 2) Гераклитъ „процвѣталъ“ (акме) около 500 г.; другихъ прочныхъ хронологическихъ датъ о немъ не сохранилось, зато извѣстно, что милетскую космологію, Пифагора и Ксенофана онъ имѣетъ за собой и что Эпихармъ и Парменидъ слѣдуютъ за нимъ (Эпихармъ высмѣиваетъ ученіе Гераклита о всеобщемъ теченіи, Парменидъ явно полемизируетъ съ нимъ).

Въ древности Гераклитъ былъ прозванъ „Темнымъ“ (Скотейность)¹). Сократу приписывается изреченіе, что для того, чтобы понять сочиненіе Гераклита, нужно быть делосскимъ (т. е. весьма искуснымъ) водолазомъ. По приводимому у Діогена Лаэртія мнѣнію нѣкоторыхъ изъ древнихъ, Гераклитъ намѣренно написалъ свое сочиненіе темно съ тою цѣлью, чтобы оно было недоступно народной массѣ, которую онъ презиралъ: свою рѣчь онъ обращаетъ къ немногимъ избраннымъ умамъ. По преданію, онъ спряталъ свое сочиненіе въ святилищѣ Артемиды: не имѣя надежды найти среди современниковъ лицъ, которые бы поняли и оцѣнили его ученіе, онъ оставляетъ его для лучшаго будущаго времени (Гатіанъ и Тейхмюллеръ полагаютъ, что цѣлью этого было ограничить знакомство съ сочине-

¹) Другое его прозвище „Плачущій“ въ противоположность „смѣющемуся“ Демокриту.

ніем кругомъ посвященныхъ ¹⁾). Плотинъ (Епп. IV° 8, 1) думаетъ, что Гераклитъ намѣренно писалъ неясно, такъ какъ хотѣлъ, чтобы другіе потрудились надъ его сочиненіемъ, подобно тому какъ ему самому стоило большого труда создать свое ученіе ²⁾). Теофрастъ видитъ у Гераклита не намѣренную темноту, но считаетъ неясность его сочиненія (отрывочность и противорѣчивость) слѣдствіемъ его меланхоліи. По Дж. Бернету, Гераклитъ— „темный“ потому, что стоикамъ часто съ трудомъ удавалось свои мысли вложить въ его слова (!). Въ этомъ вѣрно лишь то, что часто невозможно отдѣлать подлинныя слова самого Гераклита отъ того, что сдѣлали изъ нихъ позднѣйшіе (особенно стоики, высоко цѣнившіе Гераклита и старавшіеся вычитать у него свои ученія); конечно, смыслъ изреченій Гераклита былъ затемненъ подобнымъ обращеніемъ съ ними, но о темнотѣ Гераклита мы слышимъ еще до возникновенія стои. Виндельбандъ считаетъ темноту Гераклита слѣдствіемъ „неспособности найти для мысли, стремящейся къ абстракціи, адекватную форму“. Но, кажется, Виндельбандъ нѣсколько преувеличиваетъ абстрактность мышленія Гераклита, хотя, несомнѣнно, доля неясности должна быть отнесена и на состояніе языка въ то время (въ частности на отсутствіе знаковъ препинанія въ письменныхъ сочиненіяхъ, срв. Аристотель А 4). По нашему мнѣнію, все-таки главная роль принадлежитъ не намѣренію скрыть свои мысли, не болѣзненности и мрачности характера автора и не состоянію языка того времени. Темный философъ не столько скрывалъ свое ученіе, подобно пифагорейцамъ, отъ взора недостойныхъ, которые, не будучи въ состояніи проникнуть въ глубину его, стали бы только глумиться надъ парадоксальностью его положеній, сколько облекалъ свое ученіе въ форму, наиболѣе соотвѣтствующую самой природѣ послѣдняго. Его стиль есть стиль басилевса (царя-жреца). Тонъ его—пророческій, вдохновенный: онъ подражаетъ изреченіямъ оракула. Паеосъ, съ которымъ говоритъ Гераклитъ, коренится въ его убѣжденіи, что та мудрость, которую онъ возвѣщаетъ, исходитъ отъ самого Логоса ³⁾ (сверхъ того, торжественность и таинственная многозначительность его изреченій имѣетъ свой источникъ и въ его сознаніи, что эта вселенская мудрость *впервые* высказывается имъ). Какъ справедливо указываютъ, этотъ вдохновенный гіератическій стиль былъ въ духѣ того времени, которое характеризуется сильнымъ религіознымъ подъемомъ (то же самое мы видимъ у Пиндара и Эсхила).

---

¹⁾ Упомянемъ еще догадку Шустера: Гераклитъ спряталъ свою книгу въ храмѣ Артемиды, желая, чтобы она стала общимъ достояніемъ въ качествѣ посмертнаго сочиненія (*opus postumum*), такъ какъ онъ боялся, что правящая демократія станетъ преслѣдовать его за религіозныя и политическія убѣжденія.

²⁾ Я. Моръ (J. Mohr, *Heraklitische Studien* 1886, стр. 8) также усматриваетъ у Гераклита сознательную темноту выраженія: Гераклитъ хотѣлъ подражать языку самой природы, которая „любитъ скрываться“.

³⁾ Гераклитъ первый вводитъ это понятіе, получившее въ дальнѣйшей исторіи мысли столь важное значеніе.

Тѣмъ ближе былъ этотъ способъ выраженія Гераклиту, что онъ самъ принадлежалъ къ жреческому сословію. Какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этотъ стиль и характеру его философіи, основная идея которой невыразима, ее можно лишь дать почувствовать „Языкъ есть элеатская философія“, по выраженію одного историка философіи: рѣчь фиксируетъ вещи и понятія, расчленяетъ и представляетъ ихъ устойчивыми. Словами, поскольку ихъ смыслъ имѣетъ своей цѣлью отграничить одно представленіе отъ другого, нельзя вполне передать основныхъ ученій Гераклита. Слова съ этой своей стороны не могутъ выразить Гераклитовой истины, они лишь „намекаютъ“. Однако, Гераклитъ находитъ въ языкѣ сторону, близкую своему образу мысли. Это—сторона фонетическая: звучаніе словъ въ большей степени, чѣмъ ихъ значеніе, можетъ дать намъ почувствовать истину. Отсюда у Гераклита пристрастіе къ созвучію словъ, отсюда у него любовь къ игрѣ словами, отсюда порой изысканная вычурность его языка. Онъ видитъ въ сходствѣ звуковъ что-то многозначительное, не случайное. Какъ у пифагорейцевъ—мистика и символика чиселъ, такъ у Гераклита—мистика звуковъ. Недаромъ изъ школы Гераклита вышла первая философія языка¹⁾, которая считала слова рѣчи не случайными, произвольными и чисто условными знаками, но естественными явленіями, возникшими по той необходимости, которая присуща всѣмъ явленіямъ природы; болѣе того, въ этой школѣ слова считались находящимися въ необходимой связи съ самими вещами: полагали, что въ словахъ раскрывается внутренняя сущность вещей. И мы видимъ, что Гераклитъ для высшаго понятія своей философіи избираетъ терминъ: „Логосъ“, въ которомъ связываются два значенія: „слово“ и „разумъ“²⁾; при этомъ „слово“ для него—обладающая таинственнымъ смысломъ фонема, а „разумъ“—мудрость, далекая отъ обычнаго здраваго смысла. Гераклитъ высказываетъ загадочныя, многозначныя³⁾ изреченія, въ которыхъ часто встрѣчается игра словъ (порой фантастическая, почти дѣтская, подобно пифагорейской числовой фантастикѣ). Онъ любитъ двусмысленныя, многозначныя выраженія, такъ какъ сознаетъ, что основныя идеи его міровоззрѣнія не укладываются въ рамки обыденнаго языка. Наивысшее основоположеніе его философіи—*многосторонность единого сущаго и единство противоположностей*, а равнымъ образомъ его ученіе о текучести и относительности всего того, что обманчивыя чувства и здравый смыслъ

---

¹⁾ Шустеръ (*Heraklit v. Eph.* 1873, стр. 349) говоритъ, что имя Гераклита должно стоять въ началѣ исторіи западно-европейской грамматики, такъ какъ вся древняя грамматика развивалась на основѣ той противоположности, которая вышла отъ Гераклита (значеніе словъ „по природѣ“ или „по произвольному установленію“?).

²⁾ Лактанцій (*Inst. div.* IV 9) и Тертуліанъ (*Apolog.* с. 25) сообщаютъ, что *λόγος* у грековъ означало „*sermonem atque rationem*“.

³⁾ Къ большинству его фрагментовъ приложимо то, что Шлейермахеръ (*Herakleitos der Dunkle* 1808) говоритъ по поводу фр. 12 (86 по Дильсу): „Многозначно здѣсь все“ (указывая при этомъ, какъ много истолкованій фрагмента было уже въ древности).

съ его орудіемъ—обыденнымъ языкомъ представляютъ намъ устойчивымъ и постояннымъ. все это не можетъ найти себѣ адекватнаго выраженія въ рѣчи, которая по самому строю своему расчленяетъ представленія, фиксируетъ отдѣльные моменты ихъ, противопоставляетъ послѣдніе другъ другу и такимъ образомъ превращаетъ единое живое цѣлое въ рядъ обособленныхъ мертвыхъ элементовъ. Многія гераклитовскія изреченія какъ бы имѣютъ своей цѣлью противодѣйствовать этой тенденціи человѣческой рѣчи (таковы его многочисленныя изреченія, сближающія самыя отдаленныя и противоположныя понятія). Поэтому-то Гераклитъ такъ любитъ образы, которые бросаютъ двойной свѣтъ на одни и тѣ же явленія, поэтому онъ любитъ сравненія, въ которыхъ не указанъ пунктъ сравненія (*tertium comparationis*), любитъ произвольныя сопоставленія и игру словъ. Въдѣ все это выводитъ насъ за тѣ искусственныя рамки, въ которыя ставитъ насъ нашъ обыденный языкъ, и приближаетъ насъ къ пониманію истинной сути вещей: единства противоположностей, многосторонности единого сущаго, текучести живого цѣлага вселенной.

Стиль Гераклита въ высшей степени сжатый. Рѣчь его выдѣляется силой выраженія и яркостью образовъ и, какъ писатель-художникъ, Гераклитъ занимаетъ среди греческихъ философовъ второе мѣсто (послѣ Платона).

Въ чемъ заключается центръ философіи Гераклита и какое мѣсто принадлежитъ ему въ развитіи греческой мысли, этотъ вопросъ рѣшается весьма различно историками философіи. Гераклитъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ, „хотя и не въ такой степени, какъ онъ самъ думалъ о себѣ“¹⁾. Мнѣ онъ представляется мыслителемъ резюмирующимъ, подводющимъ итоги. Таково прежде всего его отношеніе къ милетской натурфилософіи. Лежавшее въ основѣ послѣдней ученіе о постоянномъ измѣненіи живого, одушевленнаго первовещества получаетъ у него наиболѣе выпуклую форму, наиболѣе рѣзкое выраженіе: я имѣю въ виду его ученіе объ огнѣ, какъ первоначалѣ. Его первостихія матеріальна, существо ея пребываетъ всегда равнымъ себѣ, неизмѣннымъ во всѣхъ превращеніяхъ (Аристотель *de coelo* III, 1 прямо говоритъ, что начало Гераклита *пребываетъ—ὑπομένει*). Съ другой стороны, это—непрерывно измѣняющійся процессъ, въ которомъ нѣтъ ничего устойчиваго, постояннаго. Такимъ образомъ уже здѣсь (въ основоположеніи: „огонь первоначало“) противорѣчіе, которое сознается самимъ Гераклитомъ. Но для Гераклита „истина тайна и загадочна по существу своему: она заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, что непостижимо разсудку человѣка“²⁾. Какъ въ ученіи объ огнѣ—первовеществѣ Гераклитъ развиваетъ и заостряетъ основную мысль милетской космологіи, такъ въ ученіи объ единствѣ противоположностей онъ заостряетъ основную идею Ксенофана: „все едино“ (выраженіе Гераклита

¹⁾ Paulys Real-Encyclopädie d. class. Altert. 8, 1 (1912 г.) стр. 507.

²⁾ Кн. С. Трубецкой „Метафизика въ древней Греціи“ стр. 224.

во фр. 10: „изъ всего одно и изъ одного все“ повторяетъ ученіе Ксенофана о всеединомъ). Наконецъ, въ своемъ ученіи о Логосѣ, какъ единой всемірной закономѣрности, гармоніи и мѣрѣ, Гераклитъ даетъ формулу, въ которой резюмируется пифагорейское ученіе. До Гераклита прошли три потока греческой философской мысли: милетская космологія, ранній пифагореизмъ и ученіе Ксенофана о всеединомъ. Всѣмъ этимъ элементамъ удѣлено мѣсто въ системѣ Гераклита, которая представляетъ собой *оригинальный* синтезъ ихъ.

Нѣкоторые историки считаютъ философію Гераклита простымъ продолженіемъ милетской натурфилософіи. Правда, у Гераклита не мало точекъ соприкосновенія съ милетцами. Такъ, космогоническое ученіе Θαλεσα о происхожденіи всего изъ воды, нашедшее себѣ частичное признаніе у Анаксимандра и Ксенофана, находитъ откликъ и у Гераклита (онъ называетъ море спермою міра и полагаетъ, что при мірообразованіи первоогонь превращается сначала въ воду, изъ которой затѣмъ образуется все въ нашемъ мірѣ). Еще ближе Гераклитъ къ Анаксимандру, съ которымъ его роднитъ ихъ общая низкая оцѣнка всего индивидуальнаго и одинаковое отношеніе къ загадкѣ смерти; и такъ же, какъ у Анаксимандра, у него міровой процессъ совершается въ формѣ борющихся противоположностей. Дыханію Гераклитъ придаетъ столь же большое значеніе, какъ Анаксименъ. Насколько близокъ Гераклитъ здѣсь къ послѣднему, видно изъ того, что его первоогонь тождественъ съ „чистѣйшимъ воздухомъ“, такъ какъ, то его ученію, люди вдыхаютъ огонь. Первоогонь Гераклита, съ одной стороны, не тождественъ съ видимымъ, являющимся огнемъ ¹⁾ (такъ какъ послѣдній есть лишь одна изъ частныхъ формъ первоогня, для которой Гераклитъ, кажется, употребляетъ терминъ *престеръ*) съ другой стороны, онъ не есть безтѣлесная сущность, какъ полагалъ Лассаль. Скорѣе всего это—свѣтлѣйшій тончайшій воздухъ ²⁾ (достойно вниманія, что воздухъ не выступаетъ у Гераклита въ роли частной формы первоогня). Итакъ, ученіе о первоогнѣ, какъ живой, одушевленной матеріальной стихіи, можетъ разсматриваться какъ преобразование основнаго воззрѣнія Анаксимена. Однако, несмотря на отмѣченные милетскіе элементы въ философіи Гераклита, его нельзя разсматривать просто, какъ заключительное звено въ развитіи милетской космологіи, и не только потому, что въ его ученіе вошли и новые элементы. У Гераклита нѣтъ самой главной отличительной особенности милетцевъ: серьезнаго интереса къ физическимъ явленіямъ, стремленія дать разумное объясненіе каждому изъ нихъ. Общее его міровоззрѣніе скорѣе направляется противъ ми-

¹⁾ Такъ, Филопонъ прямо говоритъ, что Гераклитъ считалъ началомъ огонь (τὸ πῦρ), но не пламя (οὐ τὴν φλόγα).

²⁾ А. Brieger. Heraklit d. Dunkle (N. Jahrb. f. d. kl. Alt. 1904) доказываетъ, что огонь Гераклита есть въ сущности „теплый воздухъ“ и поэтому-то почитатель Гераклита скептикъ Энесидемъ говорилъ, что исрвоествомъ Гераклитъ признавалъ воздухъ.

летцевъ, какъ показали Тейхмюллеръ и Таннери ¹⁾ Первый Аристотель причислил Гераклита къ іонійскимъ натурфилософамъ, придавъ слишкомъ большое значеніе его ученію о матеріальности огня сравнительно съ другими сторонами его системы. Но, какъ отмѣтилъ Шлейермахеръ, Аристотель не былъ внимательнымъ читателемъ Гераклита и далеко не заслуживаетъ названія делосскаго водолаза.

Наиболѣе распространеннымъ въ настоящее время является взглядъ, по которому главнымъ словомъ Гераклита слѣдуетъ считать ученіе объ „абсолютной и безостановочной измѣняемости всѣхъ вещей“ (Виндельбандъ). Наболѣе вліятельный историкъ Целлеръ ²⁾ очень настойчиво проводитъ мысль, что основнымъ положеніемъ Гераклита является ученіе о теченіи всѣхъ вещей, и огонь есть скорѣе чувственный символъ, наглядный образъ постоянного всеобщаго измѣненія.

Но съ этимъ трудно согласиться. Дѣйствительно, у позднѣйшихъ гераклитовцевъ ³⁾ особенно развилось именно это ученіе Гераклита; однако, есть основаніе думать, что не оно стояло въ центрѣ философіи самаго Гераклита. Прежде всего не въ ученіи о текучести вещей заключалась оригинальность Гераклита. Эта идея не была новой ⁴⁾. Измѣняемость, непостоянство всего было общераспространеннымъ настроеніемъ іонійцевъ того времени (можетъ быть подъ вліяніемъ политическихъ событій эпохи) и находило себѣ выраженіе въ ихъ поэзии. Такъ, въ „Кратилѣ“ Платона мысль о текучести всего приписывается Гомеру, Гезіоду и другимъ. Этотъ мотивъ очень силенъ и у представителей милетской космологіи (особенно у Анаксимена). Между тѣмъ самъ Гераклитъ рѣзко противопоставляетъ свое ученіе воззрѣніямъ всѣхъ остальныхъ философовъ, ученыхъ и поэтовъ, а также мнѣнію народа. Наконецъ, легко замѣтить, что ученіе о текучести вещей является въ системѣ Гераклита моментомъ, подчиненнымъ ученію объ единствѣ противоположностей.

Въ древности иногда разсматривали Гераклита, какъ пифагорейца. Строгая законмѣрность всего происходящаго, всеобъемлющій міропорядокъ, господство въ мірѣ закона, дѣйствующаго по мѣрѣ и числу, объективный разумъ, имманентный міру, всеобщая гармонія—все это пифаго-

¹⁾ Также Г. Дильсъ указываетъ, что философія Гераклита не была іонійскимъ естествознаніемъ и что Гераклитъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на великія открытія своихъ соотечественниковъ.

²⁾ Всеобщее теченіе считаетъ центромъ философіи Гераклита также О. Spengler. *Die metaphysische Grundgedanke der Heraklitischen Philosophie* 1904.

³⁾ Они изображены въ „Кратилѣ“ и „Теететѣ“ Платона. Правильную оцѣнку имъ даетъ Шустеръ (P. Schuster. *Heraklit v. Ephesus* 1873, стр. 279): „Подлинно великіе умы впоследствии почитали Гераклита и учились у него... а тѣ поверхностные люди, которыхъ обычно называютъ его школою, столь мало похожи на учителя“.

⁴⁾ См. Max Wundt. *Die Philosophie des Her. v Ephes. im Zusammenhang mit der Kultur Ioniens* (Archiv f. G. d. Phil., XX Bd, 1907, стр. 436 слѣд.). Въ ученіи Гераклита о непостоянствѣ всего авторъ видитъ формулу, выражающую суть іонійской исторіи (политической и экономической) и указываетъ, что это было общимъ мнѣніемъ соотечественниковъ Гераклита, высказаннымъ до него въ ихъ поэзии.

рейская струя въ мышленіи Гераклита. Какъ и у пифагорейцевъ, законо-мѣрность міра носитъ у Гераклита въ большей степени окраску этичес-ки-эстетическую, чѣмъ физическую и логическую. Въ частности ученіе объ огнѣ позволяетъ сблизить Гераклита съ пифагорейцемъ Гиппасомъ. Но между тѣмъ какъ пифагорейское міровоззрѣніе дуалистично, Герак-литъ—строгий монистъ. И если Гераклитъ заимствуетъ у пифагорейцевъ идею всеобщей закономерности, то съ другой стороны, онъ является еще въ меньшей степени математикомъ, чѣмъ физикомъ. Такимъ образомъ между пифагорейскимъ міровоззрѣніемъ и философіей Гераклита не менѣе глубокое различіе, чѣмъ между послѣдней и іонійской космологіей.

Если въ такъ называемой школѣ гераклитовцевъ односторонне раз-вилось ученіе Гераклита о всеобщемъ измѣненіи, то его ученіе о міро-вомъ разумѣ—Логосѣ нашло себѣ откликъ у мыслителей совершенно ино-го направленія—у Анаксагора и Сократа, а позже въ стоѣ и въ христі-анствѣ. Однако, мы не согласимся и съ тѣми, которые (какъ, напримѣръ, Танери) значеніе Гераклита видятъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ указалъ мѣсто разума во вселенной.

Наибольшей оригинальностью отличается ученіе Гераклита о про-тивоположностяхъ. Въ немъ Гераклитъ подводитъ итоги ученію Ксенофа-на. Уже Гегель и Лассаль доказывали, что центръ философіи Гераклита— тожество противоположностей, однако, само послѣднее положеніе понима-лось ими не вполне вѣрно, такъ какъ они видѣли здѣсь „объективную діалектику“, о которой у Гераклита не можетъ быть и рѣчи ¹⁾. Въ но-вѣйшее время съ большимъ мастерствомъ доказываютъ, что единство про-тивоположностей образуетъ центръ философіи Гераклита, А. Патинъ ²⁾ и Дж. Бернетъ. Это ученіе носитъ на себѣ явное вліяніе Ксенофана. Лю-дямъ кажется, будто существуетъ множество вещей, независимыхъ другъ отъ друга, взаимно противоположныхъ и борющихся между собой. На самомъ же дѣлѣ, все—едино. Истинное познаніе противоположно „много-знанію“ (отсюда во фр. 40 упрекъ въ полиматіи по адресу другихъ фи-лософовъ ³⁾ и ученыхъ), такъ какъ оно есть знаніе единого (единства, ле-жащаго въ основѣ многихъ вещей). Никто изъ древнихъ мыслителей не даетъ столь сильно почувствовать единство вселенской жизни, какъ Ге-раклитъ. Въ этомъ свѣтѣ должно понимать и его ученіе о совпаденіи про-тивоположностей. Гераклитъ говоритъ, что противоположности не только сосуществуютъ, не только неразрывно связаны и взаимно обуславливаютъ

¹⁾ Гегель (*Gesch. d. Phil.*, vol. XIII p. 332) говоритъ о Гераклитѣ: „Этотъ смѣлый умъ впервые высказалъ глубокое слово:.. „бытіе и небытіе тожественны“. Лассаль (*Die Phil. H. d. D.* 1858, II Bd, стр. 266) говоритъ: „Вся философія эфесца есть ничто иное, какъ философія логическаго закона тожества противоположностей“.

²⁾ A. Patin. *Heraklits Einheitslehre, die Grundlage eines Systems und der Anfang eines Buchs*, 1885.

³⁾ Въ это число попадаетъ и Ксенофанъ, такъ какъ Гераклитъ, заостряя ученіе послѣдняго, отступаетъ и отъ него.

друг друга,—онѣ тождественны. Ученіе о совпаденіи противоположностей прежде всего касается основныхъ понятій: все тождественно и не тождественно, все пребываетъ и все течетъ. Мысль Гераклита любитъ сопоставлять противоположныя понятія изъ самыхъ разнообразныхъ областей, онѣ подчеркиваетъ противоположности, но лишь для того, чтобы тѣмъ сильнѣе дать почувствовать ихъ единство (смерть и жизнь, смерть и бессмертіе, добро и зло и тому подобныя пары противоположностей—тождествъ). Образъ рѣки имѣетъ у Гераклита нѣсколько иное значеніе, чѣмъ у позднѣйшихъ гераклитовцевъ. Рѣка, какъ таковая, остается той же самой, и въ то же время ежеминутно она совершенно иная: она тождественна и различна, она стара и вѣчно юна. Не безостановочная текучесть и непрерывное обновленіе всего (что также признается Гераклитомъ, какъ одна изъ сторонъ сущаго) загадочны, но совпаденіе въ одномъ и томъ же крайнихъ противоположностей (въ частности, этой текучести съ постоянной неизмѣнностью единаго сущаго).

Но если ученіе объ единствѣ противоположностей представляется намъ, какъ наиболѣе рѣзкая форма, какъ самое крайнее выраженіе ученія о всеединомъ, то, съ другой стороны, въ ней дана и совершенно новая идея о многосторонности единаго сущаго. Если самъ Гераклитъ говорить, что то основное положеніе, на которомъ основывается подлинная мудрость, впервые возвѣщается имъ: ея не достигъ разумъ ни одного человѣка до него, то этому требованію удовлетворяетъ только его ученіе о противоположностяхъ.

Гераклитъ—строжайшій монистъ (онѣ „панзоистъ“, „панлогистъ“ и „пантеистъ“¹⁾). Объективный разумъ, имманентный вселенной, есть у него не только высшій міровой законъ, по которому совершается все во вселенной; этотъ разумъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ познаетъ то, что онѣ устрояетъ, и только черезъ участіе въ немъ постигаютъ люди истину. Такимъ образомъ этотъ разумъ является въ трехъ формахъ: 1) какъ начало, созидающее міровой порядокъ, устрояющее все по закону, мѣрѣ и числу; 2) какъ начало мыслящее, познающее, всевѣдущее, частицею котораго является каждый индивидъ, поскольку онѣ познаетъ; и, наконецъ, 3) то, что познается, умопостигаемое единство всего (такимъ образомъ міровой разумъ оказывается познающимъ самого себя, самосознаніемъ). Итакъ, вселенскій разумъ принимаетъ формы активную и пассивную, субъективную и объективную²⁾. Въ то же время этотъ разумъ мыслится конкретно матеріальнымъ веществомъ. Это—огонь (или тончайшій чистѣйшій воздухъ), который отождествляется съ окружающею наши тѣла средой, и наше разумное сознаніе объясняется изъ матеріальнаго общенія съ нимъ

¹⁾ По Дерингу, у Гераклита достигнуть высшій пунктъ гилопсихизма: у него міровое вещество есть не только міровая душа, но и міровой разумъ.

²⁾ Логосъ Гераклита Гейнце понимаетъ, какъ объективный (безсознательный) законъ разума; Бернайсъ, какъ сознательный умъ; Тейхмюллеръ, какъ самосознающій разумъ.

(мы вдыхаемъ его). Что Логосъ Гераклитъ считалъ тождественнымъ съ окружающей насъ атмосферой, объ этомъ говоритъ Секстъ Эмпирикъ (см. А 16). Большинство историковъ считаютъ взглядъ Секста ошибочнымъ, но безъ достаточныхъ оснований, такъ какъ свидѣтельство Секста находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, какъ Гераклитъ мыслилъ условія разумности человѣка: онъ сводилъ ихъ къ матеріальному общенію съ окружающей насъ средой (посредствомъ дыханія и поръ органовъ чувствъ). Эта среда есть то „единое“, на лонѣ котораго какъ бы находятся всѣ единичныя вещи и которая связуетъ ихъ въ одинъ общій вселенскій организмъ,

Своему первоначалу Гераклитъ даетъ цѣлый рядъ названій, въ которыхъ раскрываются разныя стороны его. Показывая матеріальность первоначала, Гераклитъ называетъ его огнемъ („вѣчно живымъ“) и окружающей насъ средой. Чаще же всего онъ прибѣгаетъ къ термину „Логосъ“. Въ этомъ терминѣ объединены понятія: „слово“ и „разумъ“; терминъ этотъ многозначенъ, такъ какъ Гераклитъ хочетъ отмѣтить имъ и священные звуки своихъ изреченій и объективное содержаніе своего ученія и, наконецъ, самъ вселенскій разумъ во всѣхъ вышеуказанныхъ формахъ его. Въ литературѣ, посвященной Гераклиту, видимъ большое разнообразіе мнѣній относительно того, какъ наилучше передать терминъ „Логосъ“: переводятъ „умъ“, „міровой разумъ“, „объективный законъ разума“, „міровая душа“, „законъ движенія“, „отношеніе“, „пропорція“, „рѣчь“, и т. п.; на самомъ дѣлѣ, какъ мы указали, этотъ терминъ у Гераклита является многозначнымъ и поэтому не поддается точному переводу. Самъ Гераклитъ вмѣсто термина „Логосъ“ говоритъ иногда „всеобщій міровой порядокъ“ (*κόσμος*), „мысль“ (*γνώμη*), правящая всѣмъ во всемъ“, „единая мудрость“ (*τὸ σοφόν*), „всеобщій законъ“ (*νόμος*). Называетъ онъ первоначало также Молніей, свѣтомъ, никогда не заходящимъ, мѣрою, скрытой гармоніей (подчеркивая эстетическій моментъ), Вѣчностью, Необходимостью, Судьбою, Богомъ, Правдою и Зевсомъ. Встрѣчаются также названія: общее и единое (въ противоположность всему многому, частному и индивидуальному) и, наконецъ, иногда первоначало обозначается одной или нѣсколькими парами противоположностей (напримѣръ, „насыщеніе и голодъ“, „война и миръ“ и т. п.) Уже изъ этого бѣглаго обзора различныхъ наименованій видна многосторонность Гераклитова первоначала. Можетъ быть, лучше всѣхъ выразилъ сущность философіи Гераклита Т. Гомперцъ въ слѣдующихъ словахъ: Глубочайшее зерно гераклитизма составляетъ постиженіе многосторонности вещей. „Благодаря этой чертѣ своего мышленія Гераклитъ—одинъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и оригинальныхъ мыслителей“.

У Гераклита находимъ нѣсколько изреченій, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на природу познанія. Однако, этого недостаточно для того, чтобы назвать его, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, первымъ теоретикомъ познанія. Шустеръ изображаетъ Гераклита сенсуалистомъ и

эмпирикомъ, Лассаль — крайнимъ рационалистомъ и объективнымъ идеалистомъ ¹⁾. По Таннери, Гераклитъ допускаетъ значеніе ощущеній для познанія „подъ условіемъ истолкованія ихъ свидѣтельствъ сообразно разуму“. Также Шеферъ думаетъ, что Гераклитъ занимаетъ въ этомъ вопросѣ среднюю позицію. Зуземиль полагаетъ, что Гераклитъ еще не ставилъ вопроса, возникаетъ ли наше познаніе изъ опыта или изъ разума; скорѣе Гераклитъ чувствуетъ себя боговдохновеннымъ пророкомъ и сравниваетъ себя съ Сивиллой и Пифеией. По нашему мнѣнію, взгляды, высказанные Гераклитомъ относительно познанія, можно свести къ слѣдующему ряду положеній. Источникъ познанія — непосредственное матеріальное общеніе нашего организма съ окружающей насъ средой (прежде всего *дыханіе*, затѣмъ дѣятельность органовъ чувствъ). Однако, какъ указываетъ Бернайсъ, ощущенія правильно познаютъ изъ всѣхъ чувственныхъ вещей только огонь, во всемъ же остальномъ они обманываютъ ²⁾. Далѣе Гераклитъ, съ одной стороны, говоритъ, что большинство людей неспособны постигнуть истину и никто изъ людей ея не знаетъ, съ другой стороны, утверждаетъ, что мышленіе является общимъ для всѣхъ. Тутъ лишь кажущееся противорѣчіе. Гераклитъ говоритъ, что критеріемъ истины является не общее мнѣніе (*consensus omnium*), не здравый смыслъ толпы, не то, въ чемъ согласны всѣ люди. Истина независима отъ субъективныхъ мнѣній всѣхъ людей, она есть Логосъ. Наше индивидуальное сознаніе есть частица этого вселенскаго огня, и поэтому истина присуща каждому. Но подобно тому, какъ угли погасаютъ вдали отъ огня и разгораются отъ близости огня, такъ и индивидуальное сознаніе становится разумнымъ только черезъ постоянно возобновляемую связь съ міровымъ разумомъ. Достигнуть же истиннаго познанія возможно только черезъ общеніе со вселенскимъ разумомъ именно потому, что каждая вещь по-длинно познается лишь въ ея органической естественной связи со всѣмъ. Ёдиное сущее, лежащее въ основѣ всего, есть истинная сущность всѣхъ вещей. Вещи должны постигаться въ ихъ всеединствѣ. Обманчивыя ощущенія и обыденный разсудокъ даютъ образъ множества устойчивыхъ вещей; это — обманъ индивидуальнаго сознанія; на самомъ дѣлѣ, нѣтъ многихъ отдѣльныхъ вещей, существуетъ лишь единое, принимающее безчисленныя формы. Единный законъ господствуетъ надъ всѣми явленіями вселенной. Должно познавать всѣ вещи въ ихъ всеединствѣ, въ ихъ многосторонности и въ ихъ закономерности. У Гераклита впервые возникаетъ понятіе о законѣ природы, такъ какъ частныя явленія онъ подчиня-

¹⁾ Тейхмюллеръ (*N. Stud. z. Gesch. d. Begr.*, I Heft, стр. 99) полагаетъ, что Гераклитъ первый противопоставалъ подлинный умопостигаемый міръ кажущемуся чувственному, и считаетъ его интеллектуалистомъ, хотя и неслѣдовательнымъ.

²⁾ Такимъ образомъ нельзя отрицать нѣкотораго эмпирическаго элемента въ міровоззрѣніи Гераклита. Это сказывается и въ его любви къ конкретнымъ образамъ и примѣрамъ изъ эмпирическаго міра. Онъ смотритъ на эмпирическій міръ, какъ на „комментарій къ своимъ сочиненіямъ“.

еть общему и повсюду въ міровомъ процесѣ видитъ законмѣрность. Такъ какъ въ Логосѣ Гераклита соединены единство и законмѣрность, то его Логосъ считаютъ (Кинкель) первымъ шагомъ къ открытію логическаго понятія. Наконецъ, такъ какъ Гераклитъ подчеркиваетъ многосторонность вещей, то у него имѣется въ зародышѣ законъ относительности всѣхъ явленій и его можно назвать отцомъ релятивизма. Такъ на него смотрѣли уже въ древности: говорили, что, по его ученію, „все есть все“, т. е. каждая вещь есть все, заключаетъ въ себѣ всѣ противоположности, начиная съ того, что она „существуетъ и не существуетъ“ и кончая тѣмъ, что она есть и не есть что угодно. Что бы ни высказать о какой-либо вещи, одновременно о ней можно высказать и противоположное. Напримеръ медъ и сладокъ и горекъ, причеиъ эти свойства не суть субъективныя впечатлѣнія отдѣльныхъ индивидовъ, но въ дѣйствительности оба одновременно присущи меду. Аристотель упрекалъ Гераклита за то, что онъ отрицалъ законъ противорѣчія, Гегель и Лассаль хвалили его за то, что онъ призналъ тожество бытія и небытія. Однако, у Гераклита не было никакихъ логическихъ ученій, послѣднія были лишь позже выведены изъ его міровоззрѣнія.

Физика Гераклита во многихъ пунктахъ возстанавливается современными учеными различно. Міровой процессъ слагается, по Гераклиту, изъ двухъ противоположныхъ движеній, которыя у него называются „путь внизъ“ и „путь вверхъ“. По справедливому замѣчанію Целлера, термины „вверхъ“ и „внизъ“ указываютъ на измѣненіе пространственнаго положенія (все въ мірѣ то опускается внизъ, то поднимается кверху). Это движеніе совершается не по прямой линіи, идущей въ безконечность, и не кругообразно, но скорѣе всего можетъ быть уподоблено ходу маятника, двигающагося между опредѣленными максимумомъ и минимумомъ. Движеніе это есть вмѣстѣ съ тѣмъ качественное измѣненіе. Гераклитъ вводитъ новый принципъ для объясненія образованія всѣхъ вещей: законъ движенія состоитъ въ томъ, что каждая вещь переходитъ въ свою противоположность. Гераклитъ принимаетъ три основныя формы (*ἵεροαι*), черезъ которыя проходитъ первоначество: огонь (включая воздухъ), воду и землю. Эти три элемента Гераклитовой физики соотвѣтствуютъ тремъ состояніямъ тѣлъ: газообразному, жидкому и твердому. Вѣроятно, Гераклитъ отличалъ свой вѣчно живой первоогонь отъ огня, какъ частной формы состоянія первоначества ¹⁾, и, повидимому для послѣдней онъ употреблялъ терминъ „престеръ“ (*πρηστηρ*). Уже въ древности Гераклитовскій „престеръ“ толковался различно: одни видѣли въ немъ воздухъ, другіе

---

¹⁾ Вопросъ: „что такое Гераклитовъ первоогонь?“ изслѣдовалъ А. Brieger (*Die Grundzüge der Heraklitischen Physik. Hermes* 1904), который, считая его теплымъ воздухомъ, отличаетъ его отъ эмпирическаго огня. Напротивъ, Тейхмюллеръ (*N. St. z. G. d. B., II* 47) полагаетъ, что огонь Гераклита есть настоящій огонь, пламя котораго видятъ, трескъ котораго слышатъ и жаръ котораго осзаютъ.

огонь. По Шлейермахеру и Лассалю, престеръ есть частное явленіе огня въ отличіе отъ всеобщаго первоогня. Дильсъ переводить Гераклитовскій терминъ „престеръ“ выраженіемъ „знойный вихрь“, Дж. Бернетъ—„ураганъ, сопровождаемый смерчемъ“, Танпери—„зарницы, связанныя съ порывами вѣтра“, кн. С. Трубецкой—„огневица“. Мы предпочитаемъ болѣе старый переводъ этого термина „огненная атмосфера“ или „горячее дыханіе“ (такъ понималъ Гераклитъ явленія огня: у него, какъ мы выше отмѣтили, огонь и воздухъ весьма близки).

Наиболѣе крупное разногласіе между историками въ пониманіи мірового процесса у Гераклита вызываетъ, такъ сказать, вопросъ о размѣрахъ колебанія мірового маятника. По мнѣнію однихъ, міровой процессъ не только не имѣетъ начала и конца, но въ немъ нѣтъ также никакихъ дѣленій, это—процессъ сплошной и монотонный (они могли бы сослаться на фр. 106: вѣчно „завтра“ таково же, какъ „сегодня“). По мнѣнію же другихъ, міровой процессъ у Гераклита дѣлится на періоды міровыми пожарами: міръ періодически возникаетъ, развивается и погибаетъ въ огнѣ. Шлейермахеръ, Гегель, Лассаль, Шеферъ и Дж. Бернетъ полагаютъ, что ученія о міровомъ пожарѣ у Гераклита не было и оно было ошибочно приписано Гераклиту Аристотелемъ и стоиками. Они ссылаются на свидѣтельство Платона („Софистъ“ р. 242), гдѣ ученіе Эмпедокла противопоставляется Гераклиту: по Эмпедоклу, сущее попеременно бываетъ то единымъ, то многимъ, между тѣмъ какъ, по Гераклиту, сущее всегда и едино и множественно. Также ими дѣлается ссылка на псевдогиппократовское подражаніе Гераклиту: тамъ говорится, что составляющіе основную противоположность огонь и вода не могутъ существовать другъ безъ друга. Что же касается ученія Гераклита о великомъ (космическомъ) годѣ, то здѣсь мы встрѣчаемъ такое объясненіе его. Подобно тому какъ у Гераклита солнце непрерывно обновляется, но полное обновленіе его совершается въ теченіе одного цѣлаго дня, такъ есть періодъ, въ теченіе котораго совершается полное обновленіе всего міра, хотя всѣ вещи разрѣшаются въ огонь въ разное время. Міровой пожаръ у Гераклита признаютъ Риттеръ, Бернайсъ, Шустеръ, Целлеръ, Дильсъ, Виндельбандъ, Гомперцъ и др. Въ пользу этого мнѣнія главнымъ образомъ говоритъ то, что у Гераклита находимъ космогонію: возникать же міръ можетъ, если онъ ранѣе уничтожается. Съ другой стороны, аналогія между жизнью человѣка и жизнью вселенной, проводимая въ псевдо-гиппократовскомъ подражаніи Гераклиту, скорѣе заставляеть думать, что въ соотвѣтствіе рожденію и смерти человѣка принималось возникновеніе и уничтоженіе міра (причемъ міровой пожаръ, гибель нашего міра въ огнѣ у Гераклита должны были приравниваться подлинной жизни, высшему состоянію вселенной, а возникновеніе міра уподобляться смерти всеединого божественнаго первоначала).

Крайне трудно занять правильную позицію въ этомъ вопросѣ. Мы бы высказались за міровой пожаръ, но съ нѣкоторыми оговорками. По

Гераклиту, міровой процессъ совершается по извѣстнымъ „мѣрамъ“: въ немъ есть ритмическія законѣрныя колебанія. Попеременно одерживаютъ верхъ то свѣтлое и теплое, то темное и холодное, и этимъ объясняются ритмическія чередованія дня и ночи, лѣта и зимы. Подобнымъ же наиболѣе объемлющимъ ритмомъ колебанія является періодическое чередованіе возникновенія и уничтоженія міра, или угасанія и воскресенія божественнаго первоначала ¹⁾. Однако, ни то, ни другое не можетъ быть полнымъ, это лишь возможный максимумъ и минимумъ. При этомъ должно обратить вниманіе на то, что и въ псевдогиппократовскомъ подражаніи Гераклиту отрицается возможность полной смерти и подлиннаго рожденія живого существа, за что хвалитъ это сочиненіе Лейбницъ, находящій въ немъ предвосхищеніе своихъ основныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ мы не погрѣшимъ и противъ псевдо-гиппократовской аналогіи.

Космогонія Гераклита учитъ, что огонь вначалѣ превращается въ свою противоположность—воду. Море есть стадія, съ которой собственно начинается возникновеніе нашего міра ²⁾. Въ этомъ морѣ образуются двѣ части, изъ которыхъ одна находится на пути внизъ, другая—на пути вверхъ. Небо и земля, воздухъ и свѣтила—все это возникло изъ моря. Отъ моря исходятъ два вида испареній: темныя и свѣтлыя. Отъ ихъ измѣняющагося взаимоотношенія зависитъ смѣна дня и ночи, лѣта и зимы. Солнце, по Гераклиту, есть чельнъ или корыто, обращенное къ намъ своей полой стороной, въ которой поднимающіяся изъ моря свѣтлыя испаренія собираются и воспламеняются. Оно такимъ образомъ постоянно обновляется. И всѣ прочія свѣтила представляютъ собой такія же метеорологическія явленія, какъ солнце. Вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтила мыслятся живыми существами ³⁾, а получаемый ими горючій матеріалъ—ихъ пищей. Равнымъ образомъ и весь міръ, какъ цѣлое, представляетъ собой, по Гераклиту, громадный животный организмъ. Шустеру принадлежитъ заслуга открытія въ псевдо-гиппократовскомъ сочиненіи Гераклитовой аналогіи между микрокосмомъ и макрокосмомъ (человѣкомъ и міромъ). Гераклитъ проводитъ параллель между строеніемъ человѣческаго тѣла и устройствомъ міра, а равнымъ образомъ между функціями человѣческаго организма и міровымъ процессомъ. Анатомія и фізіологія человѣка у

---

¹⁾ Г. Дильсъ (H. Diels. *Herakleitos v Ephesos*, II Aufl. 1909 стр. VIII—IX) устанавливаетъ такой рядъ колебаній мірового маятника у Гераклита: секунда (смѣна вдыханія и выдыханія), день (смѣна свѣта и тьмы), мѣсяць (смѣна фазъ луны), годъ (смѣна лѣта и зимы), поколѣніе (30 лѣтъ), наименьшее разстояніе между дѣдомъ и внукомъ) и міровой годъ=30×360=10800 лѣтъ (смѣна возникновенія и разрушенія міра). Числовое отношеніе (*λβρος*) у нихъ всѣхъ постоянно.

²⁾ Нашъ міръ возникаетъ изъ воды и погибаетъ въ огнѣ: ему предшествуетъ всемірный потопъ, конецъ его—міровой пожаръ.

³⁾ Взглядъ на небесныя свѣтила, какъ на живыя существа, не является оригинальнымъ мнѣніемъ Гераклита или первыхъ греческихъ мыслителей вообще: этотъ взглядъ былъ общимъ мнѣніемъ, господствовавшимъ въ древности не только среди ученыхъ.

Гераклита ¹⁾ сводятся въ общемъ къ слѣдующему. Человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и міръ. Центральное мѣсто въ человѣческомъ организмѣ занимаетъ желудокъ, органъ питанія. Желудокъ окруженъ тремя слоями, образующими туловище: первый слой, облегающій желудокъ; второй средній и третій подкожный. Въ среднемъ слоѣ находится самый горячій и самый сильный огонь, здѣсь мѣстопребываніе души, разума и источника роста. Въ человѣкѣ непрестанно совершается путь вверхъ и путь внизъ. Мы (наши тѣла и наши души) всегда течемъ, какъ ручьи: мы тѣ же и не тѣ же въ каждый моментъ. Колебанія „мѣръ“ въ человѣкѣ—сонъ и бдѣніе, юность и старость, жизнь и смерть. Сонъ происходитъ вслѣдствіе того, что въ организмѣ человѣка одерживаютъ верхъ влажныя темныя испаренія. Можетъ быть, Гераклиту принадлежать и основныя черты того ученія о развитіи плода въ материнскомъ чревѣ, которое мы читаемъ у псевдо-Гиппократата. О смерти же живыхъ существъ тамъ говорится слѣдующее: и мертвый такъ же живетъ, какъ и живой; между мертвымъ и живымъ лишь количественная разница. Жизнь организма никогда не можетъ совершенно прекратиться, она представляетъ собой постоянное колебаніе между двумя границами—максимумомъ и минимумомъ. Организмъ растетъ, притягивая къ себѣ нужныя ему частицы изъ окружающаго міра, увеличивается, развивается до извѣстнаго максимума, затѣмъ онъ уменьшается, сокращается, но также лишь до опредѣленнаго минимума (недоступнаго для зрѣнія), но никогда живой организмъ не разрушается совершенно. Авторъ сравниваетъ эту никогда не прекращающуюся, вѣчно колеблющуюся между максимумомъ и минимумомъ жизнь организмовъ съ луною и ея фазами (вѣдь и луна для него такой же живой организмъ). Такимъ образомъ живой организмъ никогда не погибаетъ, но онъ есть не вещь, а процессъ: онъ періодически то разгорается, то тлѣетъ, но никогда не гаснетъ совсѣмъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, Гераклитъ на основаніи своей анатоміи и фізіологіи построилъ свою медицину, наивысшимъ положеніемъ которой было предписаніе слѣдовать самой природѣ. Лассаль ²⁾ называетъ Гераклита „отцомъ медицинской науки“ и „первымъ подлинно научнымъ врачомъ, т. е. такимъ, который основываетъ терапію на теоретическомъ познаніи процесса жизни и природы“. Не идя такъ далеко, мы все же должны отмѣтить вліяніе Гераклита на фізіологію и медицину: псевдо-гиппократовское сочиненіе есть памятникъ медицинской школы въ Греціи, находившейся подъ вліяніемъ Гераклита.

Гераклитъ, какъ мы сказали, сравниваетъ міръ съ человѣческимъ организмомъ. Желудку человѣка соответствуетъ море, которое есть органъ

¹⁾ Гераклитъ вводитъ такимъ образомъ новую область изслѣдованія „антропологию“ и благодаря этому онъ служитъ „мостомъ къ младшимъ натурфилософамъ“ (I. Mohr. Ueber die histor. Stellung H. v. Eph. 1876 стр. 50—51.

²⁾ Die Phil. H.'s. des Dunklen 1858, I Bd., стр. 163 и слѣд.

питанія міра. И другія части міра представляють параллель разнымъ членамъ челоуѣческаго организма. Подобно послѣднему, и міръ, какъ цѣлое, проходитъ черезъ состоянія бодрствованія, сна и смерти. Жизнь, сонъ и смерть представляютъ въ психологіи Гераклита три основныхъ формы, подобно тому какъ въ физикѣ огонь, вода и земля. Физика Гераклита переливается въ психологію и обратно. Его систему поэтому называютъ психологіей мірового процесса.

Гераклитъ является психологомъ въ большей степени, чѣмъ кто-либо до него. Весьма вѣроятно, что во многихъ своихъ ученіяхъ онъ исходилъ изъ самонаблюденія (см. фр. 101 и 116), онъ „вопросалъ самого себя“ и въ самопознаніи видѣлъ ключъ къ познанію вселенной ¹⁾. Можетъ быть, самоисслѣдованіе привело его къ слѣдующимъ положеніямъ, которыя, при всей причудливости той формы, въ какую онѣ облечены у Гераклита, напоминаютъ позднѣйшія ученія: нѣтъ множественности сущаго (смутное предчувствіе единства я и солипсизма), все измѣняется (позднѣйшій „потокъ сознанія“) и, наконецъ, разумъ всеобщъ (позднѣйшій идеализмъ), то-есть, разумъ имѣетъ своимъ содержаніемъ общее и самъ является началомъ всеобщимъ, не индивидуальнымъ. Можетъ быть, также изслѣдованіе душевной жизни открыло ему законъ относительности всѣхъ явленій. Вообще, у Гераклита мы видимъ большій интересъ къ челоуѣку и душевной жизни, чѣмъ у кого-либо до него. Гераклитъ же даетъ первую теорію ощущеній, которую приводитъ Секстъ Эмпирикъ.

Несправедливо нѣкоторые приписываютъ Гераклиту ученіе о безсмертіи индивидуальной души. Въ сущности у Гераклита едва ли можно говорить даже о существованіи индивидуальной души. Наша душа (какъ и нашъ разумъ) есть часть мірового огня, которая не является чѣмъ-то замкнутымъ въ себѣ, обособленнымъ отъ остального міра. Вокругъ насъ движется, колеблется, пылаетъ міровой огонь, который „огненными языками“ входитъ въ наши тѣла (Э. Родѣ). Наша душа постоянно обновляется отъ свѣжаго притока этого огня. Она подобна рѣкѣ: какъ послѣдняя существуетъ только въ постоянномъ притокѣ новыхъ водъ, такъ и душа существуетъ лишь въ видѣ непрестанной смѣны образующей ее огненной матеріи. Поэтому Гераклитъ вполне послѣдовательно отрицаетъ единство личности, за что на него нападаетъ уже Эпихармъ. Что же происходитъ, по Гераклиту, съ тѣми частями всеогня, которыя образуютъ наши души, при смерти ихъ тѣлъ? Онѣ продолжаютъ нѣкоторое время самостоятельно существовать (переживаютъ тѣла) и идутъ или по пути внизъ или по пути вверхъ. По остроумной гипотезѣ Дж. Бернета, Гераклитъ различалъ два вида смерти: смерть огненную и смерть водяную. Челоуѣкъ умираетъ, если душа его сдѣлается или слишкомъ влажной или слишкомъ сухой. Мокрой душа дѣлается отъ неумѣреннаго удовлетворенія страстей (отъ

---

¹⁾ Г. Дильсъ указываетъ, что Гераклитъ раньше Сократа вступилъ на путь самопознанія, но въ отличіе отъ послѣдняго съ тою цѣлью, чтобы изъ своей душевной жизни познать міровую жизнь.

злоупотребленія чувственными наслажденіями). Но человекъ умираетъ также и въ томъ случаѣ, если его душа станетъ слишкомъ сухой. Такая „огненная“ смерть есть выгода для человека: умирающій огненною смертію становится богомъ. По мнѣнію же Лассала, черезъ смерть тѣла становятся богами всѣ души (какъ добродѣтельныя, такъ и порочныя), это общая участь всѣхъ душъ.

Осуществляется ли въ міровомъ процессѣ, по мнѣнію Гераклита, разумная цѣль? Нѣкоторые изслѣдователи философіи Гераклита, ссылаясь на данное имъ сравненіе мірового начала съ играющимъ ребенкомъ, полагаютъ, что Гераклитъ отрицалъ въ мірѣ всякую телеологию. Другіе же, обращая вниманіе на то, что Гераклитъ называетъ законъ мірового процесса Логосомъ, видятъ въ этомъ указаніе на внутренній смыслъ жизни вселенной: въ понятіи Логоса заключена, по ихъ мнѣнію, мысль о цѣлесообразности всего происходящаго въ мірѣ. Можетъ быть, наиболѣе правильнымъ будетъ мнѣніе, по которому въ Гераклитовскомъ мірѣ нѣтъ цѣлей, лежащихъ за предѣлами его: каждый данный моментъ состоянія міра имѣетъ свою цѣль въ самомъ себѣ и не является средствомъ для достиженія лучшаго (на это указываютъ непрестанные переходы міра изъ одного состоянія въ другое, которые образуютъ вѣчный круговоротъ мірового процесса).

Переходя къ этикѣ Гераклита ¹⁾, необходимо прежде всего указать ея мѣсто въ общей системѣ его. Мы считаемъ неправильной, съ одной стороны, обычную точку зрѣнія, (напр., Целлера), по которой у первыхъ греческихъ мыслителей этическія положенія не связаны съ ихъ общими взглядами, не образуютъ органическаго цѣлага съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Съ другой стороны, неправильны также утвержденія (Циглеръ, Кестлинъ, Г. Майеръ и др.) въ родѣ слѣдующихъ: Гераклитъ выводитъ слѣдствія изъ своего метафизическаго основоположенія для практическаго поведенія людей, основываетъ этическія предписанія на своихъ общихъ философскихъ взглядахъ. На самомъ дѣлѣ, у первыхъ греческихъ мыслителей физика, психологія и этика слиты воедино, образуютъ нераздѣльное цѣлое. Міровой процессъ каждый изъ нихъ переживаетъ въ себѣ: физическія явленія суть для нихъ въ то же время явленія психическія и этическія, то-есть эти три области для нихъ только три стороны одного и того же. Такимъ образомъ здѣсь между физикой, психологіей и этикой болѣе тѣсная связь, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи. Высшее начало философіи Гераклита—Логосъ есть одинаково высшій принципъ бытія, познанія и долженствованія, и у него „физика, психологія, логика, этика, политика, теологія сплетаются въ одну великую гармонию“ (Г. Дильсъ).

---

¹⁾ Patrick. A further study of Heraclitus (The American Journal of Psychology, 1888, v. I № 4, стр. 628) называетъ этику Гераклита „самой свѣжей и самой жизненной, но наименѣе понятой всѣми критиками частью его философіи“.

Слѣдую вѣчному Логосу, движутся небесныя свѣтила и совершается все въ нашемъ мірѣ. Отъ него же исходятъ государственные законы, въ немъ источникъ нашего теоретическаго мышленія, онъ—высшее начало правильного поведенія и, наконецъ, какъ всеобщая гармонія, онъ есть и высшій эстетическій принципъ. Во всѣхъ областяхъ индивидуальное подчинено универсальному¹⁾. Поэтому у Гераклита можно вычитать слѣдующія ученія. Высшее правило поведенія—постичь міровой разумъ и слѣдовать ему (тожество познанія и блага). Должно мыслить и поступать объективно, сообразно съ природой всего. Высшая цѣль—въ отреченіи отъ своей индивидуальности, въ томъ, чтобы всецѣло и мыслю и всѣмъ существомъ своимъ предаться вселенскому Логосу и всѣмъ пожертвовать этому высшему началу. Наконецъ, у Гераклита иногда вычитываютъ²⁾ и ту мысль, что этика должна быть частью соціологіи. Правильное поведеніе индивида есть слѣдованіе правильнымъ политическимъ и соціальнымъ установленіямъ. Знаніе же общественной жизни зависитъ отъ познанія жизни вселенной. Единое начало—Логосъ правитъ всѣмъ въ мірѣ³⁾.

Но именно вслѣдствіе того, что Гераклитъ хочетъ смотрѣть на поведеніе индивидовъ съ точки зрѣнія наивысшаго метафизическаго основположенія, онъ вводитъ въ этику (также и въ эстетику) релятивизмъ. Добро и зло, красота и безобразіе суть лишь субъективныя мнѣнія людей, для Бога же все добро и все прекрасно. Можно даже сказать, что, по Гераклиту, все, отмѣченное печатью индивидуальности и субъективности, дурно и безобразно, и если индивиды находятъ въ чемъ-либо зло и безобразіе, то они видятъ лишь отраженіе своей природы. Но ничто индивидуальное не существуетъ на самомъ дѣлѣ, и подобно тому какъ само оно есть миражъ, точно такъ же призрачны зло и безобразіе.

Кинкель называетъ Гераклита родоначальникомъ теодицеи, такъ какъ тѣ аргументы для оправданія зла (какъ физическаго, такъ и моральнаго), которые позже встрѣчаются у Фомы Аквинскаго и Лейбница, находятся уже во фрагментахъ Гераклита. Таково, во первыхъ, положеніе, что зло есть необходимый фонъ для блага, чтобы оно тѣмъ ярче выдѣлялось (чѣмъ ужаснѣе зло, тѣмъ ярче сіяніе блага); во-вторыхъ, то, что съ нашей ограниченной человѣческой точки зрѣнія кажется дурнымъ и лишнимъ, это оказывается хорошимъ и необходимымъ, если смотрѣть на всю вселенную, какъ на единое цѣлое.

Съ соціально-политической точки зрѣнія Гераклитъ прославляетъ войну и вообще состязаніе. Войнѣ обязано человѣческое общество и госу-

¹⁾ Логосъ есть универсальная норма (см. А. Aall. *Der Logos bei Heraklit. Ztschr. f. Phil. u. philos. Kritik*, 106 Bd., II Heft, стр. 230).

²⁾ Напримѣръ авторъ статьи о Гераклитѣ въ Британской Энциклопедіи.

³⁾ Можно отмѣтить и физическую сторону въ этикѣ Гераклита: этика есть очищеніе (огонь мыслится, какъ самый чистый элементъ, влага, какъ самое нечистое). На значеніе „очищенія“ у Гераклита указываетъ Тейхмюллеръ.

дарство своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ. Только война создаетъ между людьми правильныя отношенія, такъ какъ она раздѣляетъ людей по рангамъ и цѣнности. Это она сдѣлала однихъ людей рабами, другихъ свободными, третьихъ полубогами (здѣсь сказывается аристократическій образъ мыслей Гераклита). Должно стремиться не къ миру, но къ войнѣ съ людьми, помня, что только черезъ причиненіе зла лежитъ путь къ достиженію добра. Въ той высокой оцѣнкѣ, какую Гераклитъ даетъ борьбѣ, усматриваютъ вліяніе значенія состязаній въ древне-греческой культурѣ. Мы видимъ въ древней Греціи состязанія въ физической силѣ и ловкости, въ тѣлесной красотѣ, состязанія рапсодовъ, пѣвцовъ, поэтовъ, историковъ, состязанія на политической аренѣ и т. д. Во всѣхъ областяхъ греческой жизни состязаніе играло роль движущаго начала, и Гераклиту весь міръ представляется вѣчнымъ повсемѣстнымъ состязаніемъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ попытки указать источникъ философіи Гераклита 1) въ греческихъ мистеріяхъ (Пфлейдереръ), 2) въ персидской религіи Зороастра (Крейцеръ, Глядишъ) и 3) въ египетской теологіи (Гейхмюллеръ, Таннери). Априори подобная зависимость кажется весьма вѣроятной: Гераклитъ долженъ былъ стоять близко къ греческимъ мистеріямъ, и въ эпоху Гераклита существовали тѣсныя связи іонійцевъ съ персами и египтянами. Однако, сопоставленія, приведенныя въ работахъ упомянутыхъ изслѣдователей, убѣждаютъ скорѣе въ противномъ: сближенія оказываются весьма поверхностными и натянутыми, сходства слишкомъ общими, аналогіи черезчуръ отдаленными. Поэтому въ цѣломъ ни одну изъ этихъ попытокъ нельзя признать удавшейся, хотя мы и не беремъ на себя смѣлости утверждать, что Гераклитъ не испыталъ въ отдѣльныхъ своихъ воззрѣніяхъ вліянія со стороны греческихъ мистерій, парсизма и египетской религіи.

Сочиненіе Гераклита было извѣстно подъ разными названіями: „Музы“ (срв. Платонъ Soph. 242 d 7), „О природѣ“, „Логосъ“ и др. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, оно дѣлилось на три части: общую (о вселенной), политическую и теологическую. Этому дѣленію слѣдуетъ Боотеръ ¹⁾ въ своемъ расположеніи фрагментовъ (1—90; 91—97; 98—130). Другія попытки привести фрагменты Гераклита въ систематическій порядокъ принадлежатъ Шустеру и Патину. По мнѣнію же Г. Дильса, первоначальная форма сочиненія Гераклита не была связной. Книга Гераклита, говоритъ онъ, есть древнѣйшій образецъ того стиля, который называютъ афористическимъ. Это, конечно, не значитъ, что мысли высказанныя въ такой формѣ, не образуютъ системы.

Сочиненіе Гераклита очень скоро послѣ его смерти распространилось по Элладѣ, такъ какъ оно уже извѣстно въ Сиракузахъ Эпихарму и въ Элеѣ Пармениду. Въ древности это сочиненіе высоко цѣнилось. Со-

¹⁾ Heracliti Ephesii reliquiae rec. J. Bywater 1877.

хранилось оно (по крайней мѣрѣ, часть его) довольно долго. Еще въ третьемъ вѣкѣ по Р. Хр. оно было въ рукахъ отцовъ церкви Климента Александрійскаго и Ипполита. До насъ дошло около 130 фрагментовъ и псевдо-Гиппократовскія подражанія Гераклиту.

Вліяніе философіи Гераклита было весьма значительнымъ. Г. Дильсъ полагаетъ даже, что Гераклитъ наряду съ Платономъ оказалъ наибольшее вліяніе на развитіе философіи. Не имѣя послѣдователей при жизни, Гераклитъ своимъ сочиненіемъ создалъ школу послѣ своей смерти. Школа гераклитовцевъ (къ которой принадлежалъ учитель Платона Кратилъ) существовала долго, но не имѣла видныхъ представителей и, повидимому, плохо понимала Гераклита (по крайней мѣрѣ, то поколѣніе гераклитовцевъ, которое выведено у Платона). Отъ Гераклита зависѣла также медицинская школа, заимствовавшая его положенія для своей физиологіи. Памятниками этой школы являются псевдо-Гиппократовскія сочиненія (*de victu, de nutrimento и de somniis*). Уже Геснеръ въ 1752 г. открылъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій мысли Гераклита. Позже Бернайсъ и Шустеръ сдѣлали попытку выдѣлить отсюда буквальные заимствованія изъ Гераклита. Однако, подобное выдѣленіе приходится считать неосуществимымъ. Подлинныя Гераклитовскія элементы смѣшаны тамъ съ заимствованіями изъ Эмпедокла, Анаксагора и Архелая.

Изъ древнихъ несомнѣнное вліяніе Гераклита испытали Анаксагоръ, Демокритъ (въ этическихъ изреченіяхъ), софисты (особенно Протагоръ), Сократъ и особенно стоики, которые усердно комментировали сочиненіе Гераклита (главнымъ образомъ Гераклитъ повліялъ на натурфилософію стоиковъ и ихъ ученіе о Логосѣ; равнымъ образомъ къ Гераклиту восходитъ начало истолкованія народныхъ вѣрованій съ цѣлью приспособить ихъ къ своимъ ученіямъ, что было въ ходу у стоиковъ). Черезъ стоиковъ Гераклитъ повліялъ на александрійскую религіозную философію и на христіанство до IV вѣка ¹⁾ (многочисленныя использованія сочиненія Гераклита въ іудействѣ и христіанствѣ указываетъ Пфлейдереръ). Рядъ христіанскихъ авторовъ удѣлили вниманіе Гераклиту, такъ какъ его считали то предшественникомъ христіанства, смутно предчувствовавшимъ многія христіанскія истины (таково уже отношеніе къ Гераклиту апологета Густина), то видѣли въ немъ источникъ, изъ котораго черпали ересіархи. Такъ, въ третьемъ вѣкѣ цѣлая гностическая секта, основанная Нотомъ изъ Смирны (такъ наз. модалистическій монархіанизмъ) тѣсно примыкала къ Гераклиту.

Изъ новѣйшихъ вліяніе Гераклита испытали Лейбницъ (черезъ псевдо-Гиппократово сочиненіе), Шлейермахеръ, Гегель (который говоритъ, что нѣтъ ни одного положенія Гераклита, котораго бы онъ не припаялъ въ

---

¹⁾ О большомъ значеніи Гераклита для ранней христіанской апологетики говоритъ *Di Pauli (Quadratus Martyr, der Skoteinologe, Arch. f. G. d. Ph. XIX Bd. 1906)*.

свою логику), Лассаль, Ницше и др. ¹⁾; одно время подъ вліяніемъ Гераклита находился Гете, который между прочимъ переводилъ псевдо-Гиппократовское подражаніе Гераклиту ²⁾.

Фрагменты Гераклита переведены на латинск. яз. Муллахомъ; на нѣмецкій Шлейермахеромъ, Лассалемъ, Шустеромъ ³⁾, Дильсомъ, Пфлейдереромъ, Шульцемъ, Нестле, Кономъ; на французскій Эгжеромъ (въ *Journal des Savants*, 1879) и Таннери; на англійскій Патрикомъ, Фербанксомъ и Бернетомъ; на русскій кн. С. Трубецкимъ (часть), Г. Церетели и В. Нилендеромъ ⁴⁾; на итальянскій Е. Теца и Бодреро.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Диогенъ IX 1—17.* (1) Гераклитъ, сынъ Блосона или, какъ говорятъ нѣкоторые, Гераконта, изъ Эфеса. Акме его пришлось на 69 олимпіаду (504—501). Болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, онъ отличался надменностью и высокоомѣріемъ, какъ видно и изъ сочиненія его, въ которомъ онъ говоритъ (*цит. В 40*): „Многознаніе не научаетъ уму. Ибо въ противномъ случаѣ оно научило бы Гезіода и Пиеагора, а также Ксенофана и Гекатея“. Дѣло въ томъ, что (*цит. В 41*) „мудрость заключается въ одномъ: познавать мысль, какъ то, что правитъ всѣмъ во всемъ“. Онъ говорилъ (*цит. В 42*), что „Гомеръ заслуживаетъ изгнанія изъ общественныхъ собраній и наказанія розгами, и точно того же (заслуживаетъ) Архилохъ“. (2) Онъ говорилъ также (*цит. В 43*): „Самомнѣніе должно гасить скорѣе, чѣмъ пожаръ“ и (*цит. В 44*) „За законъ народъ долженъ биться, какъ за (свой) стѣны“. Бранить онъ также эфесянъ за то, что они изгнали его друга Гермодора, въ слѣдующихъ выраженіяхъ (*цит. В 121*): „Эфесяне заслуживаютъ того, чтобы у нихъ всѣ взрослые перевѣшали другъ друга и оставили бы городъ для несовершеннолѣтнихъ, за то, что они изгнали наилучшаго своего мужа Гермодора, говоря: „Пусть не будетъ среди насъ никто наилучшимъ. А если такой оказался, то пусть онъ живетъ въ другомъ мѣстѣ и съ другими“. Также, когда (сограждане)

¹⁾ Изъ всѣхъ досократиковъ наибольшее предпочтеніе Гераклиту отдаетъ Шопенгауэръ (*G. Mayer. Heraklit v. Eph. u. Art. Schopenhauer*, 1886, стр. 6). А. Бригеръ (*Brieger. Heraklit d. Dukle. Neue Jahrb. f. d. kl. Alt.* 1904) начинаетъ свою статью сравненіемъ Гераклита съ горой, которая хотя и покрыта облаками, однако издали выдѣляется благодаря своей наибольшей высотѣ: таково же положеніе Гераклита среди досократиковъ.

²⁾ Въ поэзіи Гете отиѣчаютъ слѣды и прямого вліянія Гераклита. По словамъ А. Бригера «*vor allem erscheint, wie wir schon mehrfach gesehen haben, Heraklitischer Geist bei Goethe, zumal da, wo der Dichter seinen Blick auf Gott und Welt richtet.* См. также Пфлейдерер *Die Ph. d. N. v. Eph.* 1886, стр. 109 и Kühnemann. *Grundlehren der Philosophie.* 1899, стр. 18—19.

³⁾ Шустеръ даетъ свободный переводъ или, скорѣе, парафразъ.

⁴⁾ В. Нилендеръ. Гераклитъ Эфесскій. Фрагменты 1910.

обратились къ нему съ просьбой издать для нихъ законы, онъ пренебрежительно отказался по той-де причинѣ, что въ государствѣ уже укоренился худой образъ правленія. (3) Удалившись же въ храмъ Артемиды, онъ проводилъ время, играя съ дѣтьми въ кости. Когда же эфесяне начали собираться вокругъ него, онъ сказалъ: „Чему вы, негоднѣйшіе, удивляетесь? развѣ не лучше заниматься этимъ, чѣмъ вмѣстѣ съ вами вести государственныя дѣла?“ И, наконецъ возненавидѣвъ людей и уединившись, онъ жилъ въ горахъ, питаясь растеніями и травами. Однако, впадъ вслѣдствіе этого въ водяную болѣзнь, онъ вернулся въ городъ и сталъ задавать врачамъ въ формѣ загадки вопросъ: могутъ ли они изъ наводненія сдѣлать засуху? Такъ какъ тѣ не понимали (его вопроса), то онъ (оставивъ ихъ) велѣлъ зарыть себя въ хлѣвъ, надѣясь, что отъ навоза быковъ жидкость (въ немъ) испарится. Не поправившись нисколько и отъ этого средства, онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду (*Слѣдуетъ эпиграмма Лаэръція*). (4) Гермиппъ же рассказываетъ, что онъ говорилъ врачамъ, можетъ ли кто-нибудь (изъ нихъ), сдавивъ внутренности, извергнуть жидкость. Когда же тѣ отвѣтили отрицательно, онъ легъ на солнцѣ и приказалъ мальчикамъ намазать (его) бычачьимъ навозомъ. Мучась такимъ образомъ, онъ скончался на второй день и былъ погребенъ на площади. Неанѣъ же Кизикскій рассказываетъ, что не будучи въ состояніи сорвать (съ себя) навозъ, онъ остался (въ такомъ видѣ), и вслѣдствіе измѣненія внѣшняго вида былъ не узнанъ собаками и съѣденъ ими. (5) Онъ былъ страннымъ съ дѣтства, такъ какъ, будучи юнымъ, говорилъ, что ничего не знаетъ, возмужавъ же, сталъ говорить, что онъ все знаетъ. Онъ не былъ ничьимъ ученикомъ, но, по его собственнымъ словамъ, (*цит. В 101*) онъ вопрошалъ самого себя и былъ самоучкой. Сотіонъ же сообщаетъ, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, онъ былъ ученикомъ Ксенофана. Аристонъ въ сочиненіи: „О Гераклитѣ“ говоритъ, что онъ излечился отъ водяной болѣзни и умеръ отъ другой болѣзни. Это также говоритъ Гиппоботъ. Приписываемая же ему книга носитъ общее заглавіе: „О природѣ“, дѣлится же на три части: на рѣчи о вселенной, о государствѣ и о божествѣ. (6) Онъ положилъ ее въ храмъ Артемиды. Какъ говорятъ нѣкоторые, онъ намѣренно написалъ ее довольно темно, чтобы только болѣе сильные умы имѣли къ ней доступъ и чтобы она не была общераспространенной и вслѣдствіе этого не вызывала бы къ себѣ презрительнаго отношенія (со стороны толпы). О немъ также пишетъ Тимонъ: „Среди нихъ выступилъ безтолковый крикунъ ¹⁾, презиравшій народную массу Гераклитъ Темный“. Теофрастъ же говоритъ, что онъ написалъ однѣ вещи незаконченными, другія же заключающими противорѣчія по причинѣ меланхоліи. Примѣръ же его великодушія приводитъ Антисеенъ въ „Смѣнахъ“. А именно (онъ сообщаетъ), что Гераклитъ уступилъ брату царское достоинство. Сочиненіе же его приобрѣло такую славу, что появились у него послѣдователи, такъ называемые гераклитовцы.

¹⁾ Собственно: „кричацій по-лѣгушину“

(7) Мчѣнія же его въ общемъ слѣдующія. Все произошло изъ огня и въ огонь все разрѣшается. Все совершается по опредѣленію судьбы, и сущее представляетъ собой гармонію благодаря противоположнымъ стремленіямъ. И все полно душъ и демоновъ. Также онъ высказался обо всѣхъ явленіяхъ въ мірѣ и (сказалъ), что солнце по величинѣ таково, какимъ оно кажется. Говоритъ онъ также (*цит. В 45*): „По какой бы дорогѣ ты ни шель, не найдешь границъ души: настолько глубока ея основа“. Онъ говорилъ, что самомяніе есть падучая болѣзнь (*В 46*) и что зрѣніе обманчиво. Иногда въ своемъ сочиненіи онъ говоритъ ясно и опредѣленно, такъ что и самый непонятливый легко пойметъ и почувствуетъ подъемъ духа. Сжатость же и сила выраженія (у него) несравненны.

(8) Отдѣльныя ученія его слѣдующія. Огонь есть стихія, все есть измѣненіе огня (*В 90*) и возникаетъ вслѣдствіе разрѣженія и сгущенія ¹⁾. Ясно же онъ ничего не излагаетъ. И все возникаетъ по противоположности и все течетъ на подобіе рѣки (*срв. В 12. 91*). Вселенная конечна и міръ одинъ. Онъ рождается изъ огня и вновь обращается въ огонь (и эта смѣна совершается) періодически въ теченіе всей вѣчности. Происходитъ же это по опредѣленію судьбы. То, что ведетъ къ возникновенію противоположностей, называется войной и раздоромъ (*В 80*), а то, что ведетъ къ (міровому) пожару, называется согласіемъ и миромъ. Измѣненіе есть путь вверхъ и внизъ, и согласно ему происходятъ явленія въ мірѣ. (9) Ибо, сгущаясь, огонь дѣлается жидкимъ и, уплотняясь, становится водой, вода же, отвердѣвая, обращается въ землю. Это есть путь внизъ. Съ другой же стороны, земля рассыпается и изъ нея возникаетъ вода, изъ послѣдней же остальные вещи, причемъ онъ почти все сводитъ къ испаренію, (поднимающемуся) отъ моря. Это есть путь вверхъ. Испаренія же бываютъ и отъ земли и отъ моря, одни свѣтлыя и чистыя, другія же темныя. Огонь увеличивается отъ свѣтлыхъ (испареній), влага же отъ другихъ, Что же такое представляетъ собой атмосфера, онъ не разъясняетъ. Однако (онъ говоритъ), что въ ней находятся корыта, обращенныя къ намъ полой стороной, гдѣ свѣтлыя испаренія собираясь образуютъ огни и это суть свѣтила. (10) Наболѣе же свѣтлымъ и горячимъ является пламя солнца. Ибо прочія звѣзды далѣе отстоятъ отъ земли и вслѣдствіе этого менѣе свѣтятъ и грѣютъ, а луна, хотя она (и находится) ближе къ землѣ, проходитъ не по чистому мѣсту. Солнце же находится въ (мѣстѣ) прозрачномъ и чистомъ и имѣетъ отъ насъ умѣренное разстояніе. Поэтому оно въ большей степени грѣетъ и свѣтитъ. Солнечное же и лунное затменія происходятъ, когда корыта поворачиваются кверху. Измѣненія же вида луны въ теченіе мѣсяца (фазы луны) происходятъ вслѣдствіе того, что корыто ея понемногу поворачивается. День, ночь, мѣсяцы, времена

---

¹⁾ Огонь, какъ тончайшій элементъ, не можетъ разрѣжаться. Притомъ, по Гераклиту, все переходитъ въ свою противоположность, съ чѣмъ несомнѣтимъ принципъ разрѣженія, и сгущенія. Вѣроятно, послѣдній по ошибкѣ перенесенъ на Гераклита съ Анаксимена.

года, годы, дожди, вѣтры и тому подобныя (явленія) происходятъ вслѣдствіе различныхъ испареній. (11) А именно, свѣтлое испареніе, воспламененное въ кругѣ солнца, производитъ день; когда же одержитъ верхъ противоположное (испареніе), дѣлается ночь. И теплота, усиливающаяся отъ свѣтлаго (испаренія), производитъ лѣто; влага же, увеличивающаяся отъ темнаго (испаренія), производитъ зиму. Подобнымъ же образомъ онъ объясняетъ причины и прочихъ (вещей). Относительно же того, какова земля, а также каковы (небесныя) корыта, онъ ничего не говоритъ. Таковы-то были его мнѣнія.

Что же касается Сократа и мнѣнія, высказаннаго послѣднимъ, когда онъ познакомился съ сочиненіемъ (Гераклита), которое ему принесъ Эврипидъ, какъ сообщаетъ Аристонъ, то (объ этомъ) мы сказали въ отдѣлѣ о Сократѣ (см. А 4).

(12) Однако, грамматикъ Селевкъ говоритъ, что нѣкто Кротонъ въ „Водолазѣ“ сообщаетъ, будто нѣкій Кратесъ первый принесъ въ Грецію книжку его). Онъ (*Сократъ*) сказалъ, что (эта книга) нуждается въ делосскомъ водолазѣ, который бы не утонулъ въ ней. Одни приписываютъ ей заглавіе „Музы“, другіе „О природѣ“, Діодотъ же—„Точный руль для направления жизни“, † другіе—мнѣніе о нравахъ, строй одинаго всеобщаго образа мыслей¹⁾. Рассказываютъ, что на вопросъ, почему онъ молчитъ, Гераклитъ отвѣтилъ: „чтобы вы болтали“. Дружбой его пожелалъ обладать Дарій и написалъ къ нему слѣдующее письмо. *Въ слѣдующихъ §§ 13—14 письмо Дарія (на аттическомъ діалектѣ) и отвѣтъ Гераклита (на іоническомъ діалектѣ), которые, какъ и остальные семь писемъ, не стоитъ приводить.*

(15) Вотъ каковъ былъ этотъ мужъ и въ отношеніи къ царю. Димитрій же въ „Омонимахъ“ говоритъ, что онъ презиралъ и аеинянъ, среди которыхъ пользовался весьма большой славой, и, хотя эфесцы его презирали, онъ предпочелъ жить на родинѣ. Упоминаетъ его также Димитрій Фалерскій въ „Апологіи Сократа“. Весьма многіе занимались объясненіемъ его сочиненія. А именно, Антисеенъ, Гераклитъ Понтійскій, Клеанъ, стойкъ Сферъ, а также Павзаній, прозванный гераклитовцемъ, Никомедъ и Діонисій. А изъ грамматиковъ Діодотъ, который говоритъ, что (это) сочиненіе (заключало ученіе) не о природѣ, но о государствѣ, изреченія же о природѣ приводились въ видѣ примѣра. (16) Иеронимъ же сообщаетъ, что Скиѳинъ, авторъ „Ямбовъ“, принялся излагать его ученіе въ стихахъ. Ходитъ много эпиграммъ на него, въ томъ числѣ и слѣдующая:

---

¹⁾ Или по другимъ чтеніямъ: „указатель нравовъ, строй образа мыслей, единый вмѣсто всѣхъ“, или „указатель нравовъ и прекрасный строй образа мыслей, единый и всеобщій“. По мнѣнію Дильса, эти слова первоначально были продолженіемъ стиховъ Діодота. Вѣроятно, это было не заглавіемъ, но motto сочиненія Гераклита; на основаніи его нѣкоторые полагаютъ, что главная тенденція сочиненія Гераклита была этической.

„Я Гераклитъ. Что вы, невѣжды, таскаете меня во всѣ стороны (вверхъ и внизъ)? Я трудился не для васъ, но для знающихъ меня. Для меня одинъ человѣкъ тридцать тысячъ, а несмѣтное множество никто. Это я скажу даже при Персефонѣ“.

И другая слѣдующая:

„Не читай быстро книгу Гераклита Эфесскаго. Право, путь (этотъ) весьма труднопроходимый. Тьма и мракъ непросвѣтлый. Но если бы тебя ввелъ (въ нее) посвященный, то она (стала бы для тебя) свѣтлѣе яснаго солнца“.

(17) Имя Гераклита носили пять (извѣстныхъ лицъ); во-первыхъ, самъ вышеупомянутый; во-вторыхъ, лирической поэтъ, которому принадлежитъ панегирикъ двѣнадцати богамъ; третій—элегическій поэтъ изъ Галикарнасса, на котораго Каллимахъ сочинилъ слѣдующее: „Гераклитъ, нѣкто мнѣ разсказалъ твою судьбу и ввелъ меня въ слезы“ и т. д.; четвертый—лесбосецъ, написавшій исторію Македоніи; пятый—(писатель), соединившій серьезное съ шутками, перешедшій къ этому роду письма отъ игры на цитрѣ.

1а. *Свида*. Гераклитъ, сынъ Блосона или Баутора, а, по другимъ Геракина, эфесецъ, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы, прозванный Темнымъ. Онъ не былъ ученикомъ никого изъ философовъ, но былъ одаренъ отъ природы и сталъ знающимъ благодаря (своимъ) стараніямъ. Захворавъ водяной болѣзью, онъ не далъ лечить себя врачамъ, какъ тѣ хотѣли, но самъ, намазавъ всего себя навозомъ, сталъ сушиться на солнцѣ, и, когда онъ лежалъ, пришли собаки и разорвали его. Другіе же разсказываютъ, что онъ умеръ, такъ какъ его засыпали пескомъ. По свидѣтельству же нѣкоторыхъ, онъ былъ ученикомъ Ксенофана и пивагорейца Гиппаса. Онъ жилъ въ 69 олимпіадѣ (504—1) при Даріи Гистаспѣ и написалъ много въ стихахъ.

2. *Страбонъ XIV 3 p. 632. 633* (Ферекидъ) сообщаетъ, что послѣ переселенія эолянъ во главѣ выселенія іонянъ сталъ Андроклѣ, законный сынъ аеинскаго царя Кодра, и онъ основалъ Эфесъ. Поэтому-то, говорятъ, тамъ образовалось іонійское царство, и еще нынѣ лица, происходящія изъ этого рода, именуются царями и пользуются нѣкоторыми почестями, (а именно) предсѣдательствомъ на играхъ, пурпурнымъ платьемъ со знаками царскаго рода, палкой, подобной скипетру, и (правомъ совершенія) жертвоприношеній Деметрѣ Элевсинской.

3. *Климентъ Strom. I 65*. А именно, Гераклитъ, сынъ Блосона, убѣдилъ тиранна Меланкому сложить съ себя власть. Онъ (же) пренебрегъ приглашеніемъ царя Дарія переселиться въ Персію.

3а. *Страбонъ XIV 25 p. 642*. Замѣчательными мужами изъ древнихъ въ Эфесѣ были Гераклитъ, по прозванію Темный, и Гермодоръ, о которомъ первый говоритъ (*цит. В 121*). Какъ кажется, послѣдній написалъ какіе-то законы для римлянъ ¹⁾.

¹⁾ Разсказъ объ участіи Гермодора въ римскомъ законодательствѣ легендаренъ.

Плиний Н. п. XXXIV 21. Была на площади (*римскомъ форумѣ*) также (*статуя*) Гермодора Эфесскаго, толкователя законовъ, которые писали децемвиры. (Эта статуя была) официально освященной.

Зб. 1)Themistий п. ἀρετῆς р. 40 (Rh. Mus. 27, 456 слѣд.). Эфесяне привыкли къ жизни въ довольствѣ и веселіи. Но вотъ во время войны съ ними персы осадили ихъ городъ. Эфесяне продолжали, по своему обыкновенію, веселиться. Въ городѣ между тѣмъ началъ ощущаться недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Когда голодъ сталъ сильно мучить гражданъ, они собрались посовѣтоваться, что имъ дѣлать, чтобы не было недостатка въ продовольствіи. Но никто не рѣшался дать имъ совѣтъ ограничить свои широкія потребности. Тогда одинъ мужъ, по имени Гераклитъ, взялъ ячную кашу, смѣшалъ ее съ водой и сталъ, сидя среди нихъ, ѣсть ее, и это было нѣмымъ поученіемъ всему народу. Исторія рассказываетъ, что эфесяне тотчасъ поняли это наставленіе и не нуждались болѣе ни въ какомъ другомъ: они разошлись, увидѣвъ на дѣлѣ, что для того, чтобы имѣть въ достаточномъ количествѣ пищу, они должны нѣсколько сократить свои широкія потребности. Когда же ихъ враги услышали, что они научились жить порядочно и стали обѣдать по совѣту Гераклита, они ушли отъ города и такимъ образомъ, побѣдители въ (состязаніи) оружіемъ, они очистили поле передъ кашей Гераклита).

Плутархъ de garr. 17 р. 511 8С. Другіе же, символически безъ словъ высказывающіе то, что слѣдуетъ, развѣ не вызываютъ особенной похвалы и удивленія къ себѣ? Такъ, когда граждане думали, что Гераклитъ выскажетъ какое-либо мнѣніе о согласіи, онъ, взойдя на ораторскую кафедру, взялъ бокаль холодной воды, насыпалъ (туда) ячменной муки, помѣшалъ папортникомъ, выпилъ и ушелъ (не сказавъ ни слова) и (такимъ образомъ) показалъ имъ, что сохраняетъ города въ мирѣ и согласіи довольство тѣмъ, что имѣешь, и отсутствіе желанія роскошной жизни.

Сочиненіе.

Срв. А 1 §§ 5—7. 12. 15. 16.

4. *Аристотель Rhet. Г 5. 1407b 11 2).* Вообще же написанное должно быть легко читаемымъ и удобопонятнымъ. Это—одно и то же. А это свойство даетъ (письменной рѣчи) обиліе связокъ; не обладаетъ же (этимъ

---

1) Въ этомъ анекдотѣ указывается лаконизмъ Гераклита. Исторической цѣнности данный анекдотъ не имѣетъ.

2) Особенностямъ рѣчи Гераклита удѣляетъ вниманіе E. Warmbier, *Studia Heraklita* 1891. Онъ отмѣчаетъ рядъ другихъ случаевъ (кромѣ указаннаго Аристотелемъ), гдѣ у Гераклита неясно, къ чему должно быть отнесено слово, какого оно рода и т. п. Указываетъ онъ и на удивительную краткость изреченій Гераклита и отмѣчаетъ примѣняемыя Гераклитомъ фигуры: *antithesis, oxymoron, paronomasia, homoeoteleuton, asyndeton, parison.*

свойствомъ рѣчь, имѣющая) мало связокъ и (такая), которую нелегко размѣтить, какъ напимѣрь, рѣчь Гераклита. А именно, рѣчь Гераклита трудно размѣтить вслѣдствіе того, что неясно, къ чему (что) относится—къ предыдущему или къ послѣдующему, какъ, напимѣрь, въ началѣ его сочиненія. А именно, онъ говоритъ: „къ слову существу всегда непонятливы люди“ (В 1). Вѣдь неясно, къ чему слѣдуетъ отнести слово „всегда“.

Димитрій 192. Ясность же—въ болѣе длинныхъ (рѣчахъ): во-первыхъ, въ опредѣленныхъ, во-вторыхъ, въ связанныхъ. Рѣчь же безсвязная и афористическая совершенно неясна. Ибо вслѣдствіе безсвязности не видно начала каждой части. Такова, напимѣрь, рѣчь Гераклита. Дѣло въ томъ, что большей частью его изреченія являются темными вслѣдствіе отрывочности.

Диогенъ II 22. Рассказываютъ, что Эврипидъ, давъ ему (*Сократу*) сочиненіе Гераклита, спросилъ его, какого онъ мнѣнія о послѣднемъ. Тотъ же отвѣтилъ: „То, что я понялъ, превосходно. Думаю, что таково же и то, чего я не понялъ. Впрочемъ, для него нуженъ делосскій водолазъ“.

Ученіе.

Срв. извлеченія изъ „Мнѣній физиковъ“ Теофраста А 1,7 (косвенныя) и 8—11 (прямыя).

5. *Аристотель Метаф. А 3. 984a7 (см. с. 8,7, стр. 81). Симплицій рhus. 23, 33 (изъ Теофраста, D. 475).* Метапонтинецъ же Гиппасъ и эфесецъ Гераклитъ точно такъ же (признаютъ начало) единымъ, движущимся и ограниченнымъ, но началомъ они сочли огонь; изъ огня, по ихъ мнѣнію, возникаетъ (все) существующее черезъ (его) уплотненіе и разрѣженіе, и снова (все) разрѣшается въ огонь, такъ какъ огонь единая природа, лежащая въ основаніи (всего). А именно, Гераклитъ говоритъ, что все есть измѣненіе огня. Также онъ принимаетъ нѣкоторый порядокъ и опредѣленное время для перемѣны міра согласно роковой необходимости.

Аэцій I 3, 11 (D. 283). Гераклитъ и Гиппасъ изъ Метапонта (считаютъ) началомъ всего огонь. Ибо они говорятъ, что изъ огня все возникаетъ и въ огонь все въ концѣ концовъ разрѣшается. Отъ погасанія огня образуются всѣ вещи. А именно, сперва самая плотная часть его, стягиваясь, становится землею, затѣмъ земля, распускаясь отъ (дѣйствія) огня, становится водою по (своей) природѣ, (вода) же, испаряясь, дѣлается воздухомъ. Съ другой же стороны, міръ и всѣ тѣла уничтожаются огнемъ въ (міровомъ) пожарѣ. *Срв. 5,5 стр.*

Галенъ de elem. sec. Hipp. I 4. И тѣ, которые огонь (признали элементомъ), точно такъ же (полагаютъ), что изъ него черезъ сгущеніе и уплотненіе возникаетъ воздухъ, при дальнѣйшемъ сгущеніи и сильнѣйшемъ сжатіи (образуется) вода, при наибольшемъ же сгущеніи получается земля. И они заключаютъ, что стихія есть это (т. е. огонь).

6. *Платонъ Cratyl.* p. 402 A. Гдѣ-то говорить Гераклитъ, что все движется и ничто не покоится, и, уподобляя сущее течению рѣки, онъ говорить, что невозможно дважды войти въ ту же самую рѣку. (*срв. В 12*).

Аэций I 23,7 (D. 230). Гераклитъ устранялъ изъ вселенной покой и неподвижность. Ибо это—(свойство) мертвыхъ. Онъ приписывалъ движение всѣмъ вещамъ: вѣчное вѣчнымъ и временное тлѣннымъ

7. *Аристотель Metaph.* Г 3. 1005b 23. Вѣдь невозможно допускать, чтобы какая-либо одна и та же (вещь) существовала и (въ то же время) не существовала, какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, говорилъ Гераклитъ.

8. *Аэций I 7. 22 (D. 303)*. Гераклитъ (учить), что вѣчный круговращающійся огонь (есть богъ), судьба же—Логосъ (разумъ), созидающій сущее изъ противоположныхъ стремлений. *I 27, 1 (D. 322 по Теофрасту)* Гераклитъ: все происходитъ по опредѣленію судьбы, послѣдняя же тождественна съ необходимостью. *28, 1 (D. 323 по Посидонію)* Гераклитъ объявилъ сущностью судьбы Логосъ, пронизывающій субстанцію вселенной. Это—эирное тѣло, сперма рожденія вселенной и мѣра назначеннаго круга времени. *Срв. с. 8,8*.

9. *Аристотель de part. anim.* А 5. 645a 17. Такъ сказалъ, передаютъ, Гераклитъ чужеземцамъ, желавшимъ поговорить съ нимъ. Когда они, подойдя, увидѣли, что онъ грѣтся у очага, и остановились, (онъ велѣлъ имъ смѣло войти: ибо и здѣсь есть боги). Подобнымъ образомъ и къ изслѣдованію cadaго изъ животныхъ слѣдуетъ подходить смѣло, съ мыслью, что во всѣхъ (животныхъ) есть нѣчто естественное и прекрасное.

10. *Аристотель de caelo* А 10. 279b 12. Итакъ, всѣ говорятъ, что (небо ¹⁾) возникло, но одни (полагаютъ), что, хотя оно имѣетъ начало, (но будетъ существовать) вѣчно; другіе же (считаютъ его) конечнымъ, какъ и вообще все, что по своей природѣ является образовавшимся (составнымъ); третьи же, какъ напри мѣръ, Эмпедокль Акрагантскій и Гераклитъ Эфесскій, (считая его) преходящимъ, (принимаютъ) періодическія смѣны его состояній и это (чередованіе) признаютъ вѣчнымъ. *Phys.* Г 5. 205a 3. Такъ, Гераклитъ говорить, что бываетъ время, когда рождается огонь ²⁾.

Симплицій de cael. 94,4 *Heib.* Гераклитъ говорить, что міръ то гибнетъ въ огнѣ, то вновь возникаетъ изъ огня (и это совершается) по нѣкоторымъ періодамъ времени. Его (собственное) выраженіе гласитъ: „мѣрами вспыхивающій и мѣрами гаснуцій (В 30). Этого же мнѣнія позже держались и стоики. *Срв. В 31*.

Аэций II 1. 2 (D. 327). По мнѣнію Гераклита... міръ одинъ. *4,3 (D. 331)*. По Гераклиту, мировой порядокъ имѣетъ свое начало не во времени, но въ мысли. *11,4 (D. 340)*. Парменидъ, Гераклитъ... считаютъ небо огненнымъ.

¹⁾ „Небо“ у Аристотеля въ смыслѣ „вселенная“.

²⁾ Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду вѣчную смѣну міра у Гераклита; конецъ міра всякій разъ представляетъ собой „рожденіе огня“.

11. *Азій II 13,8 (D. 342)*. Парменидъ и Гераклитъ: свѣтила (суть) стуски огня. 17, 4 (*D. 346*). По Гераклиту... свѣтила питаются испареніями, (поднимающимися) отъ земли.

12. *Азій II 20, 16 (D. 351)*. Гераклитъ... солнце есть разумное пламя морского происхожденія. ————— 22,2 (*D. 352*) (солнце) имѣетъ форму кривой лады. ————— 24,3 (*D. 354*). (Солнечное затменіе происходитъ) вслѣдствіе поворота корытообразнаго (солнца) такимъ образомъ, что полая сторона (его) оказывается вверху, выпуклая же внизу передъ нашимъ взоромъ. ————— 27,2 (*D. 358*). По Гераклиту, (луна) имѣетъ форму лады. ————— 28,6 (*D. 359*). По мнѣнію Гераклита, солнце и луна суть одинаковыя явленія. А именно, будучи по своей формѣ корытообразными свѣтилками, они принимаютъ лучи ¹⁾ отъ влажнаго испаренія и имѣютъ свѣтлый внѣшній видъ. Солнце свѣтлѣе, такъ какъ оно носится въ болѣе чистомъ воздухѣ; луна же (находится) въ болѣе мутной средѣ и поэтому кажется болѣе темной. ————— 29,3. Гераклитъ... (лунное затменіе происходитъ) вслѣдствіе поворота и наклоненій ²⁾ корытообразной (луны).

13. *Азій II 32,3 (D. 364)*. По Гераклиту, (великій годъ) состоитъ изъ 10 800 солнечныхъ лѣтъ.

Срв. Цензоринъ 18,10. Этотъ годъ нѣкоторыми называется также гелиакомъ ³⁾; другіе (*Гераклитъ?*) называютъ его божьимъ годомъ... (11) Аристархъ считалъ его равнымъ 2484 годамъ вращенія (солнца)..., Гераклитъ и Линъ—10 800.

Примѣчаніе. Гераклитъ первый дѣлаетъ попытку вычислить продолжительность мірового года (т. е. времени отъ возникновенія міра до мірового пожара). Полагаютъ, что онъ въ своихъ вычисленіяхъ руководился слѣдующими соображеніями. Онъ считалъ продолжительность человѣческаго поколѣнія равной 30 годамъ и принималъ этотъ промежутокъ времени за день космическаго года. Заключая въ себѣ 360 такихъ дней, „великій годъ“ равенъ $30 \times 360 = 10800$ нашихъ лѣтъ. Есть еще другое мнѣніе, по которому великій годъ Гераклита равенъ 18000 годамъ. Подобно тому, какъ продолжительность человѣческаго поколѣнія равна 30 годамъ, и міръ имѣетъ 30 лѣтъ жизни, то-есть $30 \times 12 = 360$ міровыхъ мѣсяцевъ. Но каждый міровой мѣсяць равенъ нашему столѣтію (міровой мѣсяць = вѣкъ). Такимъ образомъ получимъ всего 36 000 нашихъ лѣтъ: этотъ циклъ распадается на „путь вверхъ“ и „путь внизъ“. Раздѣливъ 36 000 на 2, получимъ 18 000 „великій годъ“. Такова гипотеза Шустера.

14. *Азій III 3,9 (D. 369)*. По мнѣнію Гераклита, громъ бываетъ вслѣдствіе скопленія вѣтровъ и облаковъ и вторженія вѣтровъ въ облака;

¹⁾ Такимъ образомъ, по Гераклиту, солнце не выпускаетъ лучи, но собираетъ ихъ въ себя.

²⁾ „Наклоненіями“ объясняются фазы луны.

³⁾ Т. е. солнечнымъ.

молній—вслѣдствіе воспламененія испареній; зарницы же вслѣдствіе зажженія и потуханія облаковъ.

14а. Никандръ *Alex.* 171 слѣд. (срв. В 84). И ты бы погрузился въ горькое темносинее море, которое вмѣстѣ съ огнемъ Землеколебатель, отдалъ въ рабство (*ἀτρεύειν*) вѣтрамъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, вѣчно живой огонь укрощается противными вѣтрами и широко разлившаяся (*ἀχύνετον*) вода бѣжитъ передъ вѣтрами (*ἀρούετας*), и такимъ образомъ разбушевавшееся гнѣвное (море) безгранично властвуетъ надъ кораблями и надъ утоающими (*ἐμφθορέων*) юношами. Дерево же повинуется ненавистному огню согласно закону.

Схоліи. Слово *ἀτρεύειν* значитъ быть рабомъ, быть подчиненнымъ ибо рабы называются *ἀτμένες*. Что же касается того, что море и огонь подчиняются вѣтрамъ по божественному, очевидно, закону, то это также говорятъ Гераклитъ и Менекрытъ. (Выраженіе) *ἀρούετας* все равно, что вѣтры; *ἀχύνετον* же значитъ: широко разлившійся, ибо *α* здѣсь альфа *intensivum* (усиливающая значеніе). Итакъ, этими (словами) также и Гераклитъ хочетъ сказать, что, по его мнѣнію, всѣ (вещи) противоположны другъ другу... Безгранично властвуетъ надъ кораблями: (сказано такъ), потому что корабли подчинены морю, огню же дерево. (Выраженіе же): юношей „*ἐμφθορέων*“ значитъ „погибающихъ въ морѣ“.

15. Аристотель *de anima* А 2. 405а 24. И Гераклитъ (такъ же, какъ Діогенъ 51 А 20) считаетъ душу началомъ, если въ самомъ дѣлѣ (онъ признаетъ ее) испареніемъ (В 12), изъ котораго образуются остальныя (вещи).

Макробій S. Scip. 14, 19. Физикъ Гераклитъ (считаетъ душу) искоркой, по существу звѣздочкой.

Аэцій IV 3, 12 (D. 389). Гераклитъ (полагалъ), что міровая душа есть испареніе, идущее отъ находящейся въ мірѣ влаги, душа же животныхъ (происходитъ, по его мнѣнію) отъ испаренія вѣшняго и находящагося въ нихъ внутренняго; міровая душа и душа животныхъ) однородны. (Срв. с. 8,9).

16. Секстъ *adv. math.* VII 126 слѣд. (126). И по мнѣнію Гераклита, кажется, будто человекъ обладаетъ двумя органами для познанія истины: ощущеніемъ и разумомъ. И вотъ изъ нихъ ощущеніе онъ, подобно вышеупомянутымъ физикамъ, счелъ не заслуживающимъ довѣрія, разумъ же признавалъ критеріемъ (истины). А ощущеніе онъ опровергаетъ въ буквально слѣдующихъ выраженіяхъ (*цит. В 107*), что равносильно такому (положенію): „довѣрять неразумнымъ ощущеніямъ—свойство грубыхъ душъ“. (127). Но не всякій разумъ объявляетъ онъ судьей истины, а только общій и божественный. Должно вкратцѣ объяснить, что это такое. А именно (нашъ) физикъ считаетъ окружающую насъ (среду) разумной и одаренной сознаниемъ. (128) Гораздо раньше эту (мысль) высказываетъ Гомеръ (XVIII 163);

„Вѣдь у живущихъ на землѣ людей таковъ образъ мыслей, какой приведетъ для (даннаго) дня отецъ людей и боговъ“.

Также Архилохъ говоритъ, что у людей такія мысли, „какія Зевсъ приводитъ ежедневно“. То же самое сказано и у Эврипида (*Troad.* 885):

„Кто бы ни былъ ты, нелегко доступный познанію Зевсъ, необходимость ли природы или умъ смертныхъ, къ тебѣ вознесъ я свою молитву“.

(129) Итакъ, втянувъ (въ себя) черезъ дыханіе этотъ божественный Логосъ, мы, согласно Гераклиту, становимся разумными, и во снѣ мы теряемъ сознаніе, при пробужденіи же мы снова въ умѣ. Дѣло въ томъ, что во снѣ, вслѣдствіе закрытія поръ органовъ чувствъ, умъ, находящійся въ насъ, обособляется отъ окружающей его (среды), теряя (прежнюю) тѣсную связь (съ ней); остается единственное сообщеніе черезъ дыханіе, которое служитъ чѣмъ-то въ родѣ корня, и разлучившійся (со своимъ источникомъ умъ нашъ) теряетъ ту силу памяти, которую имѣлъ раньше.

(130) Когда же мы снова просыпаемся, онъ, высунувшись черезъ поры органовъ чувствъ, какъ бы черезъ нѣкія окошечки, и сойдясь съ окружающей средой, облекается мыслительной силой. Итакъ, подобно тому какъ угли, измѣняясь отъ приближенія къ огню, становятся пылающими, удаленные же (отъ огня) гаснутъ, точно такъ же часть окружающей среды, принятая нашими тѣлами, при отдѣленіи (отъ своего источника) становится почти неразумной, при соединеніи же (съ послѣднимъ) посредствомъ величайшаго множества поръ дѣлается однородной со вселенной.

(131) Такъ вотъ этотъ общій и божественный разумъ, черезъ участіе въ которомъ мы становимся разумными, Гераклитъ называетъ критеріемъ истины. Отсюда заслуживаетъ довѣрія то, что является всѣмъ вообще, (ибо это воспринимается общимъ и божественнымъ разумомъ), а то, что является кому-либо одному, то невѣрно по противоположной причинѣ.

(132) Итакъ, вышеупомянутый мужъ въ началѣ (своего сочиненія): „О природѣ“, указывая нѣкоторымъ образомъ на окружающую среду, говоритъ (*цит. В 1*). (133) Ясно высказавъ въ этихъ (словахъ), что мы все дѣлаемъ и мыслимъ по участію въ божественномъ разумѣ, немного ниже онъ прибавляетъ (*цит. В 2*). Это же есть не что иное, какъ объясненіе способа устроенія вселенной. Вслѣдствіе этого мы обладаемъ истиной относительно всего того, въ чемъ мы приобщились къ памяти его, относительно же всего того, въ чемъ мы не имѣли общенія съ нимъ, мы обманываемся. (134) Вѣдь теперь вполне ясно и въ этихъ (выраженіяхъ) онъ провозглашаетъ общій разумъ критеріемъ и говоритъ, что то, что является всѣмъ, заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ оно какъ бы представляетъ сужденіе общаго разума, а то, что (является) каждому особо, то должно. VIII 286 И въ самомъ дѣлѣ, Гераклитъ ясно говоритъ, что человѣкъ неразуменъ и что умомъ обладаетъ только окружающая среда (*см. выше VII 127*).

Объ этомъ Аполлоній Тіанскій *ep.* 18. Физикъ Гераклитъ сказалъ, что человѣкъ по природѣ неразуменъ (= *fr.* 133 *Буш.*).

17. *Аэций IV 7,2 (D. 392)*. (По мнѣнію Гераклита, душа безсмертна). Ибо, выходя (изъ тѣла) въ міровую душу, она возвращается къ однородному (съ ней).

18. *Аэций V 23 (D. 434)*, Гераклитъ и стоики (говорятъ), что люди начинаютъ мужать около второго семилѣтія, когда приблизительно приходитъ (у нихъ) въ движеніе сѣменная жидкость.

19. (*fr. 87—89 Вуу.*) *Плутархъ def. orac. 11. 415 D.* Читающіе (*у Гезіода*): „возмужалыхъ“ считаютъ поколѣніе по Гераклиту въ 30 лѣтъ, такъ какъ въ это время родитель дѣлаетъ своего сына отцомъ.

Филонъ fr. Harris. p. 20. Человѣкъ можетъ стать дѣдомъ на тридцатомъ году и бываетъ зрѣлымъ приблизительно въ возрастѣ четырнадцати лѣтъ; въ этомъ возрастѣ онъ (уже) обсѣменяетъ, посѣянное же (имъ), родившись въ теченіе года, въ свою очередь на пятнадцатомъ году рождаетъ подобнаго себѣ.

Срв. Цензоринъ 17,2. Вѣкъ есть самый длинный промежутокъ чело-вѣческой жизни, границы котораго образуютъ рожденіе и смерть. Поэтому тѣ, которые считали вѣкомъ тридцать лѣтъ, повидимому, сильно ошибались. Это именно время Гераклитъ называлъ генеей (*т. е. поколѣніемъ*), такъ какъ въ этомъ промежуткѣ времени заключается кругъ возраста. Кругомъ же возраста онъ называетъ время, въ теченіе котораго чело-вѣческая природа возвращается отъ посѣва къ посѣву.

Ошибочно понято у I. Луда de mens. III 14. Отсюда весьма мѣтко Гераклитъ называетъ мѣсяць поколѣніемъ.

20. *Халкидій с. 251 p. 284,10 Wrob. (въроятно, изъ коммент. Посидонія къ Тимею)*. Гераклитъ, къ которому примыкаютъ стоики, связываетъ нашъ разумъ съ разумомъ божественнымъ, правящимъ и устрояющимъ (все) въ мірѣ: вслѣдствіе неразрывной связи (съ послѣднимъ) ставъ знающимъ разумное опредѣленіе, онъ, во время покоя души, при посредствѣ чувствъ предвѣщаетъ будущее. Вслѣдствіе этого и происходитъ, что являющіяся образы неизвѣстныхъ мѣстъ и тѣни людей живыхъ и мертвыхъ. То же самое доказываютъ случаи прорицанія, а также тотъ фактъ, что предсказываютъ достойные, наставляемые божественными силами.

21. *Блиментъ Strom. II 130.* Дѣло въ томъ, что, какъ говорятъ, Анаксагоръ Клазоменскій считалъ цѣлью жизни научное изслѣдованіе и (прористекающую) отъ него свободу, Гераклитъ же Эфесскій—удовлетворенность (*въ смыслъ гедонистическомъ, согласно Теодориту*).

22. (*43 B*) *Эвдем. Этика VII 1. 1235a 25* И Гераклитъ порицаетъ выдумавшаго: „да исчезнетъ вражда изъ среды боговъ и людей“ (*Гомеръ XVІІІ 107*). Ибо не существовала бы гармонія, если бы не было высокаго и низкаго (тона), и не было бы животныхъ, если бы не было образующихъ противоположность самца и самки. *Симплицій Cat. 412, 26 прибавляетъ къ стиху Гомера: ибо онъ (Гераклитъ) говорить, что (въ такомъ случаѣ) все исчезнетъ.*

Нуменій fr. 16 (у Халкидія). Нуменій хвалитъ Гераклита за то, что тотъ порицаетъ Гомера, который предпочелъ бѣдствіямъ жизни гибель

и уничтоженіе, такъ какъ онъ не понималъ, что міръ сталъ бы разрушаться, если бы начала исчезать матерія, которая есть источникъ бѣдствій.

23. 14 В *Полібій IV* 20. Притомъ не слѣдовало бы пользоваться поэтами и миеографами, какъ свидѣтелями относительно того, чего не знаешь, какъ это (дѣлали) наши предшественники относительно весьма многихъ вещей, представляя, по выраженію Гераклита, не внушающихъ довѣрія поручителей для сомнительныхъ (вещей). *Срв. В 40. 42. 56. 57. 104.*

См. у Г. Церетели свидѣтельства Ипполита, Эпифанія, Гермія, Теодорита и Олимпіодора.

В. Фрагменты ¹⁾.

Сочиненіе Гераклита «0 природѣ».

I. [2 *Bywater*] *Секстъ adv. math. VII 132 (Срв. А 4. 16. В 51)* ²⁾. Хотя этотъ Логосъ существуетъ вѣчно, недоступенъ онъ пониманію людей ни раньше, чѣмъ они услышатъ его, ни тогда, когда впервые коснется онъ ихъ слуха. Вѣдь все совершается по этому Логосу, и тѣмъ не менѣе они (люди) оказываются незнающими всякій разъ, когда они приступаютъ къ такимъ словамъ и дѣламъ, каковы тѣ, которыя я излагаю, разъясняя каждую вещь согласно ея природѣ и показывая, какова она. Остальные же люди (сами) не знаютъ, что они, бодрствуя, дѣлаютъ, подобно тому какъ они забываютъ то, что происходитъ съ ними во снѣ.

Начало данного фрагмента переводятъ Ф. Лассаль: „Между тѣмъ какъ этотъ законъ разума всегда господствуетъ“; *Т. Гомперцъ:* „Хотя этотъ Логосъ и пребываетъ вѣчно неизмѣннымъ“; *Дж. Бернетъ:* „Хотя это слово всегда истинно“. *Можно перевести также:* „Логосъ въ томъ видѣ, какъ онъ здѣсь излагается, люди никогда не могутъ понять“ (*Г. Дильсъ*).

Примѣчаніе. Лассаль ³⁾ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ фрагментѣ „слова“ ставятся наряду съ „дѣлами“, и выводитъ отсюда слѣдующее заключеніе. По Гераклиту, вмѣсто вещей можно расчленять обозначающія ихъ слова, сообразно природѣ послѣднихъ, и такимъ образомъ достигать познанія вещей. Какъ у элеатовъ діалектика, у пифагорейцевъ

¹⁾ Приводя иногда другіе переводы фрагментовъ, мы обращаемъ вниманіе читателя, что различіе переводовъ часто объясняется различіемъ текста. Къ сожалѣнію, переводчики и истолкователи Гераклита нерѣдко темнѣе, чѣмъ онъ самъ (напр., В. Нидендеръ).

²⁾ Въ этомъ фр. игра словъ: *ἀπειροσιν—πειρώμενοι*

³⁾ F. Lassalle. Die Philosophie Herakleitos des Dunklen v. Ephesos 1858, II Bd. стр.

ученіе о числахъ, такъ у Гераклита анализъ именъ вещей образуетъ методъ познанія сущаго. Имена, отмѣчая общее въ вещахъ, представляютъ истинную сущность вещей (и здѣсь Лассаль усматриваетъ вліяніе Гераклита на Платоновскія идеи).

2. [92] *Секстъ VII 133*. Поэтому должно слѣдовать ($\xi\nu\nu\phi$, то-есть) общему. (Дѣло въ томъ, что $\xi\nu\nu\phi$ значитъ: общій). Но хотя Логосъ всеобщъ, большинство живетъ, какъ бы имѣя свое собственное разумѣніе.

3. [0] *Аэцій II 21,4 (D. 351, о величинѣ солнца)* шириною въ чело-вѣческую ступню.

4. *Альбертъ Великій de veget. VI 401 p. 545 Meyer*. Гераклитъ сказалъ: „Если бы счастье заключалось въ тѣлесныхъ наслажденіяхъ, то мы должны были бы называть счастливыми быковъ, когда тѣ находятъ горохъ для ѣды“.

5. [130 136] *Аристокритъ* ¹⁾ *Theosophia 68, Оригенъ с. Cels. VII 62*. Напрасно ищутъ они очищенія отъ пролитія крови въ томъ, что ма-раютъ себя кровью. (Вѣдь это все равно), какъ если бы кто-нибудь, по-павъ въ грязь, грязью же хотѣлъ ее смыть. Безумцемъ счелъ бы его (всякій) человѣкъ, замѣтившій, что онъ такъ поступаетъ. И статуямъ этимъ они молятся, (все равно) какъ если бы кто-нибудь пожелалъ бесѣ-довать съ домами. Они не знаютъ, что такое боги и герои.

6. [32] *Аристотель meteor. B 2. 355a 13 (срв. 55 B 158)*. Какъ го-воритъ Гераклитъ, не только ежедневно новое солнце, но солнце постоянно непрерывно обновляется.

7. [37] — *de sensu 5.443a 23*. Если бы все существующее превратилось въ дымъ, то органомъ познанія были бы ноздри.

Примѣчаніе. Шлейермахеръ полагаетъ, что смыслъ фрагмента та-ковъ: Гераклитъ отдаетъ носу предпочтеніе передъ всѣми остальными органами чувствъ. Кн. С. Трубецкой, слѣдуя Патину, понимаетъ этотъ фрагментъ иначе: „Если бы весь міръ разрѣшился въ дымъ, человѣкъ и тутъ бы, хоть носомъ стремился бы разнюхать его“. По поводу даннаго фрагмента одинъ любознательный критикъ ставитъ вопросъ: „Если бы все сущее стало дымомъ, то чѣмъ бы былъ самъ познающій носъ?“.

8. [46] — *eth. Nic. VIII 2 1155 b 4* Расходящееся ²⁾ сходится и изъ различныхъ (тоновъ) образуется прекраснѣйшая гармонія, и все возникаетъ черезъ борьбу.

Примѣчаніе. Гармонія здѣсь не аккордъ (т. е. не современная поли-фонія), но соединеніе различныхъ тоновъ въ мелодію.

9. [51] — — *X 5. 1176a 7*, Ибо иное удовольствіе у лошади, иное у собаки и иное у человѣка; какъ говоритъ Гераклитъ, „ослы солому предпочли бы золоту“. Вѣдь осламъ кормъ пріятнѣе золота.

¹⁾ Аристокритъ—манихеецъ V вѣка.

²⁾ τὸ ἀντίξουν значить или „стремящееся въ разныя стороны“ или „враждебно стремящееся другъ противъ друга“.

10. [59] [*Аристотель*] *de mundo* 5. 396b 7. И природа стремится къ противоположностямъ и изъ нихъ, а не изъ подобныхъ (вещей), образуетъ созвучіе. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, она сочетала мужской полъ съ женскимъ, а не каждый (изъ нихъ) съ однороднымъ и (такимъ образомъ) первую общественную связь она образовала черезъ соединеніе противоположностей, а не посредствомъ подобнаго. Также и искусство, повидимому, подражая природѣ, поступаетъ такимъ же образомъ. А именно, живопись дѣлаетъ изображенія, соотвѣтствующія оригиналамъ, смѣшивая бѣлыя, черныя, желтыя и красныя краски. Музыка создаетъ единую гармонію, смѣшавъ въ (совмѣстномъ пѣніи) различныхъ голосовъ звуки высокіе и низкіе, протяжныя и короткіе. Грамматика изъ смѣси гласныхъ и согласныхъ буквъ создала цѣлое искусство (письма). Та же самая (мысль) была высказана и у Гераклита Темнаго: „(Неразрывныя) сочетанія образуютъ цѣлое и нецѣлое, сходящееся и расходящееся, созвучіе и разногласіе; изъ всего одно и изъ одного все (образуется)“.

11. [55] — — 6 p. 401a 8. Животныя дикія и ручныя, обитающія въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, рождаются, созрѣваютъ и погибаютъ, повинувась божественнымъ законамъ. Ибо, какъ говоритъ Гераклитъ, всякое пресмыкающееся бичемъ (Бога) гонится къ корму.

Слѣдую другому чтенію, Г. Церетели переводитъ: „Всякое пресмыкающееся питается землей“. Этому фрагменту посвящена статья *Гольдбахера* ¹⁾, который указываетъ, что выраженіе „всякое пресмыкающееся“ можно понимать какъ „всякое животное“ или какъ „всякій червь“. Самъ онъ высказывается за послѣднее пониманіе и весь фрагментъ истолковываетъ, какъ пантеистическое выраженіе о всеединствѣ: Божество одинаково заботится о всѣхъ существахъ, такъ какъ всѣ они (даже и послѣдній червякъ) равно суть члены его тѣла.

12. [41. 42]. *Арій Дидимъ у Евсевія Р. Е. XV 20 (D. 471,1)*. Зенонъ, подобно Гераклиту, называетъ душу одареннымъ способностью ощущенія испареніемъ. А именно (Гераклитъ), желая показать, что разумныя души постоянно испаряются (*Шлейермахеръ переводитъ:* „души всякій разъ становятся разумными только черезъ вдыханіе“), уподобилъ ихъ рѣкамъ въ слѣдующемъ изреченіи: „На того, кто входитъ въ ту же самую рѣку, каждый разъ текутъ новыя воды. Такъ же и души испаряются изъ влаги“ (*срв. В 49a. 91 и А 6. 15*).

13. [54] *Атений V p. 178 F*. Поэтому пріятный долженъ не быть грязнымъ, неопрятнымъ и валяющимся въ болотѣ, по выраженію Гераклита (*Срв. В 9. 55 В 147*). *Климентъ Strom. I 2*. Свиньи радуются грязи (*Срв. В 37*).

14. [124. 125]. *Климентъ Protr. 22*. Кому же именно пророчить Гераклитъ Эфесскій?. Ночнымъ гулякамъ, волхвамъ, вакхантамъ, мена-

¹⁾ A Goldbacher. Ein Fragment des Heraklit (*Ztschr. f. d. österr. Gymn.* 1876).

дамъ и посвященнымъ. Имъ онъ грозитъ посмертной карой, имъ предвѣщаетъ онъ огонь. Ибо не священнымъ образомъ совершается посвященіе въ таинства, которыя чтятся у людей.

15. [127] ———— 34 p. 26,6 ¹⁾). Если бы не во имя Діониса устраивали они процессію и пѣли гимнъ половымъ членамъ, то это было бы безстыднѣйшимъ дѣяніемъ. Діонисъ же, въ честь котораго они неистовствуютъ и безумствуютъ, тождественъ съ Аидомъ.

Тотъ же фрагментъ въ переводъ Г. Церетели: Если бы они не свершали процессій во имя Діониса и не распѣвали гимна въ честь дѣтороднаго члена, они поступали бы безстыдно. Аидъ и Діонисъ, во имя которыхъ они безумствуютъ и неистовствуютъ,—одно и то же.

Примѣчаніе. Лассаль объясняетъ: „Аидъ и Діонисъ одно и то же“ значитъ „одно и то же смерть и рожденіе“. Лассаль указываетъ, что Діонисъ долженъ былъ служить подходящимъ образомъ для ученія Гераклита, такъ какъ онъ принимаетъ самыя разнообразныя формы (льва, быка, змѣи и др.) и въ немъ совпадаютъ противоположности (онъ и мужчина и женщина: „среди юношей онъ дѣвушка, среди дѣвушекъ юноша“). У Целлера такое же объясненіе фрагмента, какъ у Лассала. Такъ какъ, по Гераклиту, возникновеніе и уничтоженіе совпадаютъ, такъ какъ всякое рожденіе новаго есть гибель стараго и обратно, то Діонисъ, въ которомъ олицетворяется творческій источникъ жизни природы, тождественъ съ богомъ смерти Аидомъ. Своеобразное истолкованіе фрагмента даетъ Тейхмюллеръ: если бы кто-нибудь изъ людей выставилъ напоказъ свой половой членъ и сталъ бы пѣть ему хвалу, то это былъ бы верхъ безстыдства; но для Діониса такой поступокъ приличенъ, ибо Діонисъ есть Аидъ, послѣдній же есть сынъ Стыда. Діонисъ же тождественъ съ Аидомъ, такъ какъ онъ есть солнце, а Аидъ нижняя часть земли; солнце же возникаетъ изъ земли и земля пріемлетъ его свѣтъ обратно въ себя. Итакъ, по Тейхмюллеру, фрагментъ высказываетъ мысль: безстыдное и приличное одно и то же, то-есть здѣсь говорится объ относительности понятія стыда, подобно тому какъ въ другомъ мѣстѣ Гераклитъ говоритъ объ относительности понятій добра и красоты. По Пфлейдереру, смыслъ фрагмента заключается въ слѣдующемъ: пѣснь въ честь дѣтороднаго члена не является безстыдствомъ, поскольку она есть пѣснь триумфа надъ смертью (поскольку въ дѣтородномъ членѣ прославляется побѣждающая смерть сила жизни, источникъ рожденія).

16. [27] ——— *Paedag. II 99.* Ибо, можетъ статься, кто-либо останется скрытымъ отъ чувственно-воспринимаемаго свѣта, но отъ разумнаго свѣта невозможно скрыться, или, какъ говоритъ Гераклитъ: „какимъ образомъ кто-либо укроется отъ того, что никогда не заходитъ“.

17. [5] ——— *Strom. II 8.* Ибо большинство не понимаютъ того, что имъ встрѣчается, да и по обученіи не разумѣютъ, но самимъ имъ кажется (будто они знаютъ).

¹⁾ Въ этомъ фр. игра словъ: *αἰδοῖσιν—αἰαδῆτατα—Ἄιδης.*

Начало фр. можно перевести также: „Большинство (людей), встрѣчавшихся (мнѣ), не понимаютъ этого“. Этотъ фрагментъ, по Т. Гомперцу направлень противъ Архилоха, сказавшаго, что знанія людей зависятъ отъ ихъ опыта. Нѣтъ, возражаетъ Гераклитъ, большинство людей не въ состоянїи понять тѣхъ явленій, съ которыми имъ приходится встрѣчаться, и прежній опытъ проходить для нихъ безслѣдно.

Шустеръ переводитъ данный фрагментъ: „Ибо большинство весьма далеко отъ того, что постоянно окружаетъ ихъ вблизи, и они не ищутъ познанія черезъ изслѣдованіе того, на что они ежедневно натываются, но думаютъ скорѣе, что это ихъ вовсе не касается“.

18. [7] ——— II 17. Если кто не надѣется (найти чего-либо), то онъ и не найдетъ того, на что не надѣялся. Ибо (безъ надежды) нельзя выслѣдить и настигнуть. (Срв. В 27).

19. [6] ——— II 24. Гераклитъ бранитъ нѣкоторыхъ, говоря, что они не заслуживаютъ довѣрія, (такъ какъ) они не умѣютъ ни выслушать, ни высказать.

20. [86] ——— III 14. Повидимому, Гераклитъ смотритъ на рожденіе, какъ на несчастіе. Онъ вѣдь говоритъ: „Родившись, они хотятъ жить и умереть, или, скорѣе, найти покой, и оставляютъ дѣтей, чтобы и тѣ умерли.“

21. [64] ——— 21. И Гераклитъ называетъ рожденіе смертью... въ слѣдующихъ словахъ: „Все, что мы, бодрствуя, видимъ ¹⁾, есть смерть, а все, что мы видимъ, когда спимъ, есть сонъ“.

22. [8] ——— IV 4. Вѣдь ищущіе золота перерываютъ много земли и находятъ (золота) немного.

23. [60] ——— 10. Если бы этого не было, то не знали бы имени Правды.

Примѣчаніе. Неизвѣстно, къ чему относится выраженіе „этого“: нѣкоторые думаютъ, что здѣсь разумѣется „законъ“, другіе — „противоположное правдѣ“, т. е. несправедливые поступки. При послѣднемъ толкованїи фрагментъ относится къ той категорїи изреченій Гераклита, въ которыхъ онъ говоритъ о соотносительности противоположностей.

24. [102] ——— 16. Павшихъ на войнѣ чтутъ боги и люди.

25. [101] ——— 50. Ибо чѣмъ славнѣе смерть, тѣмъ больше получаемая награда.

26. [77] ——— 143. Когда человѣкъ умеръ (и погасъ свѣтъ его очей), онъ (однако) живъ и ночью зажигаетъ себѣ свѣтъ. Когда (человѣкъ) спитъ (и свѣтъ очей его погасъ), онъ близокъ къ состоянїю смерти; бодрствуя (же), человѣкъ соприкасается съ состоянїемъ сна.

---

¹⁾ Г. Дильсъ полагаетъ, что лучше было бы вмѣсто перваго „видимъ“ читать „переживаемъ“.

По нашему мнѣнію, фрагментъ имѣеть цѣлью указать, что между состояніями бодрствованія, сна и смерти нѣтъ существенной разницы.

В. Нилендеръ переводитъ: Человѣкъ въ (смертную ночь) свѣтъ зажигаетъ себѣ самъ; и не мертвъ онъ (потушивъ очи), но живъ; но онъ соприкасается съ мертвымъ—дремля (потушивъ очи), бодрствуя—соприкасается съ дремлющимъ. *Его объясненіе по Дильсу:* „Въ ночи смерти занимается новый свѣтъ, новая жизнь, такъ какъ отдѣльный огонь переходитъ во Всеогонь“,

Г. Церетели переводитъ (текстъ Боотера): Человѣкъ, точно огонь во мракѣ, вспыхиваетъ и угасаетъ.

27. [122] — — — — 146. Послѣ смерти ждетъ людей то, чего они не ожидаютъ и о чемъ не думаютъ.

28. [118] — — — — V 9 ¹⁾. Ибо (только) мнѣніе есть то, что (даже) самый безукоризненный (мыслитель) познаетъ и сохраняетъ. Однако, несомнѣнно, Правда достигнетъ лжецовъ и лжесвидѣтелей.

Примѣчаніе. Смыслъ фрагмента теменъ. Мы понимаемъ его такъ: хотя все, что можно знать о загробномъ существованіи, есть мнѣніе, однако, то, что лжецы послѣ смерти понесутъ наказаніе, несомнѣнно. Бригеръ истолковываетъ фрагментъ такъ: Все, что познаетъ наилучшій изъ натурфилософовъ, есть лишь сомнительное предположеніе; однако, за ложныя ученія его не постигнетъ кара, такъ какъ его оправдываетъ *bona fides*. Но тѣхъ, которые сознательно учатъ ложному, накажетъ Дике.

29. [111b] — — — — 60 (*послѣ В 104*). Ибо наилучшіе одно предпочитаютъ всему: вѣчную славу (всему) тлѣнному. Толпа же набиваетъ свое брюхо, подобно скоту.

30. [20] — — — — V 105. Этотъ міровой порядокъ ²⁾, тождественный для всѣхъ [*Шустеръ:* „Міръ, который все заключаетъ въ себѣ“, т. е. наряду съ которымъ нѣтъ ни другихъ міровъ, ни творца], не создалъ никто ни изъ боговъ, ни изъ людей ³⁾, но онъ всегда былъ, есть и будетъ вѣчно живымъ огнемъ, мѣрами вспыхивающимъ и мѣрами угасающимъ.

31. [20] — — — — (*послѣ 30*). А что, по его ученію, (огонь) рожденъ и смертенъ, показываютъ дальнѣйшія (слова его): „Превращенія огня—во-первыхъ море; море же наполовину есть земля, напо-

---

¹⁾ Въ данномъ фр. игра словъ: *δοκίοντα* — *δ δοκίματάτος*.

²⁾ По Дильсу, слово *κόσμος* у первыхъ философовъ значитъ „строеніе“, а не „міръ“. Въ послѣднемъ смыслѣ слово *κόσμος* впервые встрѣчается въ началѣ Филолаевой книги. Исторію термина „космосъ“ см. у Крона (*Ston. Lu Heraklit. Philo'ogus, 47 Bd. 1839*).

³⁾ Почему наряду съ богами упоминаются и люди? Слово „*ποιῶν*“ „творить“ имѣеть двойное значеніе: оно обозначаетъ не только „создавать реальныя вещи“, но также употребляется и для обозначенія умственного творчества. Гераклитъ здѣсь не только отрицаетъ созданіе міра, но и задѣваетъ авторовъ космогоній, которые описываютъ возникновеніе міра, какъ будто бы они сами присутствовали при созданіи его.

ловину престеръ“ ¹⁾. Это значитъ, что огонь правящимъ вселенной Логосомъ или Богомъ черезъ воздухъ превращается въ воду, которая есть какъ бы сѣмя мірообразованія, и это онъ называетъ моремъ. Изъ послѣдняго же въ свою очередь возникаютъ земля, небо и то, что между ними. А какъ затѣмъ міръ опять возвращается въ свое первоначальное состояніе и происходитъ міровой пожаръ, это онъ разъясняетъ въ слѣдующихъ словахъ (23): „Онъ (огонь) разливается, какъ море, и получаетъ свою мѣру по тому же самому Логосу, какъ было раньше до возникновенія земли“. *Гейнце понимаетъ конецъ*: „Море измѣняется въ тотъ же самый Логосъ, т. е. въ тотъ же самый огонь, которымъ оно было раньше до своего возникновенія“.

32. [65] — — — — 116. Единая мудрость не хочетъ и хочетъ называться Зевсомъ.

Г. Дильсъ объясняетъ: „не хочетъ“, такъ какъ она не совпадаетъ съ Зевсомъ народной религіи, „хочетъ“, такъ какъ она понимается въ духѣ единого божества Ксенофана. *По объясненію Т. Гомперца*, единая мудрость „не хочетъ имени Зевса“, не будучи индивидуальнымъ существомъ, подобно ему, и „хочетъ“, какъ высшее начало міра и источникъ жизни. *Приведенный фрагментъ понимался и переводился весьма различно. Такъ, Шлейермахеръ перев.*: Единое мудрое, (а именно) имя Зевса, хочетъ не быть высказываемымъ и быть. *Бернайсъ*: Единое, которое одно только мудро, называться источникомъ жизни хочетъ и не хочетъ. *Шустеръ*: Только одно есть мудрость, ей не подобаешь и, съ другой стороны, подобаешь называться именемъ Зевса. *Шеллингъ*: Единое мудрое существо не хочетъ называться единымъ, имени Зевса хочетъ оно. *Муллахъ*: Единое мудрое можно и нельзя называть именемъ Зевса. *Тейхмюллеръ*: Мудрость, называемая Зевсомъ, хочетъ одна называться единымъ и также не хочетъ этого. *Кронъ*: Мудрое существо не хочетъ называться просто единымъ, оно хочетъ также имени источника жизни (Кронъ понимаетъ фрагментъ, какъ полемику противъ Ксенофанова ученія о всеединомъ).

33. [110] — — — — И повиновеніе волѣ одного (есть) законъ.

34. [3] — — — — Неспособные понять услышаннаго подобны глухимъ. Къ нимъ приложима пословица: „Присутствуя, они отсутствуютъ“ („Онъ здѣсь, но его нѣтъ“ *Г. Цертели*).

35. [49] — — — — 141. Ибо очень много должны знать мужи философы, по Гераклиту.

Примѣчаніе. Дильсъ говоритъ, что Гераклитъ, а не Сократъ, первый ввелъ слово „философъ“; онъ изобрѣлъ этотъ терминъ, вѣроятно,

---

¹⁾ Г. Тейхмюллеръ (N. Stud. 3. Gesch. d. Begr., I Heft, стр. 55) объясняетъ: въ морѣ гармонически соединены противоположности огненнаго воздуха и земли, это—двѣ враждебныя половины единого моря и поэтому онъ постоянно изъ него выдѣляется.

вслѣдствіе особаго значенія, которое приобрѣла въ его системѣ послѣдняя часть этого слова „софія“ („мудрость“).

36. [68] ——— VI 16. Душамъ смерть стать водою, водѣ же смерть стать землею. А между тѣмъ изъ земли возникаетъ вода, изъ воды же душа.

37. [53] *Колумелла VIII 4*. Если только вѣрить Гераклиту Эфесскому, который утверждаетъ, что свиньи купаются въ грязи (*срв. В 13*), птицы въ пыли или въ пеплѣ.

Примѣчаніе. И это утвержденіе Гераклита, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду относительность понятій: что у людей считается особенно грязнымъ, то служитъ у животныхъ средствомъ очищенія.

38. [33] *Диогенъ I 23 (1 A 1)*. Нѣкоторые же полагаютъ, что онъ (*Θалесъ*) первый наблюдалъ за движеніемъ свѣтилъ... Подтверждаютъ это своимъ свидѣтельствомъ также Гераклитъ и Демокритъ.

39. [112] ——— I 88. Въ Приенѣ жилъ Біантъ, сынъ Тевтама, который (былъ) мудрѣе остальныхъ (*Срв. В 104*).

Примѣчаніе. Фрагментъ двусмысленъ: слова „*πλείων λόγος*“ могутъ говорить или о томъ, что онъ мудрѣйшій изъ семи мудрецовъ, или что его почитаютъ выше всѣхъ, или, наконецъ, что о немъ говорятъ болѣе, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ.

40. [16] ——— IX 1. Многознаніе не научаетъ уму. Ибо, въ противномъ случаѣ, оно научило бы Гезіода и Пиеагора, а также Ксенофана и Гекатея.

Примѣчаніе. Пфлейдереръ полагаетъ, что подъ „многознаніемъ“ Гераклитъ разумѣетъ астрономическія и естественнонаучныя изслѣдованія, которымъ онъ противопоставляетъ истинную мудрость. Целлеръ думаетъ, что здѣсь Гераклитъ просто нападаетъ на эрудицію, такъ какъ лишь самостоятельное изслѣдованіе можетъ привести къ познанію истины. Наиболѣе правильнымъ пониманіемъ даннаго фрагмента, по нашему мнѣнію, является то, которое усматриваетъ въ немъ противопоставленіе „знанія *единого* сущаго“ „знанію *многихъ* вещей“, лишь первое есть подлинное знаніе по Гераклиту.

41. [19] ——— ——— (*примык. къ 40*). Мудрость заключается въ одномъ: познавать мысль, какъ то, что править всѣмъ во всемъ.

42. [119] — — — Онъ говорилъ, что Гомеръ заслуживаетъ изгнанія изъ общественныхъ собраній и наказанія розгами и точно того же (заслуживаетъ) Архилохъ.

43. [103] ——— ——— 2. Самоупніе должно гасить скорѣе, чѣмъ пожаръ.

Или въ политическомъ смыслѣ: Возмущеніе надлежитъ тушить болѣе, чѣмъ пожаръ.

44. [100] ——— ——— За законъ народъ долженъ биться, какъ за (свои) стѣны.

45. [71] ——— ——— 7. По какой бы дорогѣ ты ни шелъ, не найдешь границъ души: настолько глубока ея основа („мѣра“ Дж. Бернетъ).

Примѣчаніе. Гренделенбургъ правильно понимаетъ данный фрагментъ, какъ указаніе на невозможность точнаго изслѣдованія душевной жизни. Душа столь глубока, столь неисчерпаемо богатство ея содерженія, что никакая мѣра не въ состояннн ея измѣрить. Другія объясненія фрагмента (напр., Г. Тейхмюллера) несостоятельны.

46. [132] — — — Самомнѣніе онъ называлъ падучей болѣзнью и говорилъ, что зрѣніе обманчиво.

47. [48] — — — 73. Не станемъ дѣлать торопливыхъ заключеній о важнѣйшихъ (вещахъ)!

48. [66] *Etym. gen. βίος*. Итакъ, луку имя жизнь (*βίος*), а дѣло его — смерть.

Примѣчаніе. Здѣсь игра словъ: по-гречески лукъ *βίβος*, жизнь *βίος*.

49. [113] *Галенъ de diff. puls. VIII 773 К.* Одинъ для меня десять тысячъ, если онъ наилучшій.

49а. [81] *Геракл. alleg. 24 (послѣ 62)*. Въ однѣ и тѣже воды мы погружаемся и не погружаемся, мы существуемъ и не существуемъ (*Срв. В 12*).

50 [1] *Ипполитъ Ref. IX 9*. Итакъ, Гераклитъ говоритъ, что все едино: дѣлимое недѣлимое, рожденное нерожденное, смертное бозсмертное, Логосъ вѣчность, отецъ сынъ, богъ справедливость. „Выслушавъ не меня, но Логосъ, мудро согласиться, что все едино“, говоритъ Гераклитъ.

Шустеръ переводитъ: „Слушая не меня, но мои доводы“. *Пфлейдереръ:* „Слушая не меня, но разумный смыслъ излагаемаго мною“. *Патинъ* подчеркиваетъ здѣсь ссылку на высшую инстанцію, которая лежитъ внѣ личности самого Гераклита. Начало отрывка слѣдующимъ образомъ объясняетъ *Бригеръ:* объ единомъ, составляющемъ вселенную, говорится, что оно „дѣлимое“, такъ какъ существуетъ множество отдѣльныхъ вещей; оно „недѣлимое“ такъ какъ всѣ вещи образуютъ нераздѣльное единство, составляютъ единое цѣлое (подобно тому какъ волны море); оно „рожденное“ и „смертное“, такъ какъ оно преобразовалось въ нашъ преходящій мѣръ, оно „нерожденное“ и „бессмертное“, такъ какъ существуетъ вѣчно; оно — „отецъ“ такъ какъ оно порождаетъ мѣръ, и оно „сынъ“, такъ какъ оно является самимъ мѣромъ.

51. [45; срв. 56] — — — (*послѣ В 50*). И что этого всѣ не знаютъ и не признаютъ, объ этомъ онъ, порицая (всѣхъ), говоритъ примѣрно такъ: „Они не понимаютъ, какъ расходящееся согласуется съ собой: (оно есть) возвращающаяся (къ себѣ) гармонія подобно тому, что (наблюдается) у лука и лиры (*Слѣдуетъ В 1*)“.

Примѣчаніе. Фрагментъ вызвалъ много различныхъ толкованій. *Бернайсъ* полагаетъ, что Гераклитъ, пользуясь приведеннымъ сравненіемъ для того, чтобы сдѣлать нагляднымъ единство противоположностей, указываетъ просто на *внѣшнюю форму древне-греческихъ лука и лиры*. Другіе же думаютъ, что лукъ и лира берутся для сравненія не со стороны своего внѣшняго вида, но въ ихъ *дѣйстви*. Такъ, по мнѣнію *кн. С. Трубецкого*, здѣсь имѣется въ виду, „напряженіе взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга противоположныхъ силъ“. Равнымъ образомъ *Рет-*

тигъ думаетъ, что рѣчь идетъ о противоположныхъ силахъ. Въ натянутомъ лукѣ, а также въ лирѣ, струны которой натянуты, силы, стремящіяся въ противоположныя стороны, дѣлаютъ лукъ лукомъ (т. е. стрѣляющимъ), а лиру лирой (т. е. издающей тоны). Нѣсколько иначе понимаетъ сравненіе *Шлейермахеръ*. Онъ думаетъ, что пунктъ сравненія образуетъ чередованіе между состояніями напряженія и ослабленія (натягиваніе и ослабленіе струны и тетивы), подобно тому какъ вниманіе Гераклита останавливается на чередованіи дня и ночи, лѣта и зимы и т. п. Наконецъ, своеобразное пониманіе фрагмента встрѣчаемъ у *Лассалья*. По его мнѣнію, здѣсь лира и лукъ берутся не какъ самостоятельные образы, но *въ ихъ отношеніи другъ къ другу*. Обѣ эти вещи приписывались Аполлону. Лира—символь небесной гармоніи, лукъ—орудіе смерти. Аполлонъ, обладатель лиры и лука, есть живое единство обѣихъ противоположностей. Лассалю слѣдуетъ *Шеферъ*. Лукъ и лира суть для Гераклита величайшія противоположности. Лира—инструментъ свѣтлой радости жизни, лукъ—орудіе смерти. Но они тождественны, такъ какъ жизнь и смерть одно и то же. Такимъ образомъ гармонія лука и лиры представляетъ гармонію противоположностей. И *Симплицій* приводитъ ее, какъ образъ единства добра и зла.

52. [79] — — — Вѣчность есть играющее дитя, которое разставляетъ шашки: царство (надъ міромъ) принадлежитъ ребенку.

Примѣчаніе. Для пониманія сравненія важно было бы знать точнѣе характеръ этой игры. По мнѣнію однихъ, ребенокъ разставляетъ шашки, какъ попало, затѣмъ разбрасываетъ ихъ и снова раскладываетъ: игра носитъ капризный, случайный характеръ. По мнѣнію другихъ, это—игра въ войну, подобная современнымъ шахматамъ, основанная на разумныхъ комбинаціяхъ и требующая серьезнаго размышленія. Поэтому и фрагментъ понимается въ противоположномъ смыслѣ: между тѣмъ какъ одни видятъ здѣсь образъ безцѣльности мірообразующей силы, другіе, напротивъ, усматриваютъ указаніе на расчетливость и предусмотрительность ея. Такъ, по Т. Гомперцу, въ приведенномъ фрагментѣ указывается на бессмысленность игры: ребенокъ строитъ только для того, чтобы затѣмъ разрушить. Пфлейдереръ же говоритъ, что игра въ шашки, какъ игра, основанная на разумныхъ соображеніяхъ, постоянно употреблялась въ древности въ качествѣ нагляднаго образа для божественнаго управленія міромъ, по которому каждая вещь получаетъ въ мірѣ мѣсто по своимъ заслугамъ и цѣнности (такъ, напримѣръ, въ „Законахъ“ Платона подобная игра ребенка дѣлаетъ наглядной ту легкость, съ которой Божество осуществляетъ свой промыселъ надъ міромъ). Бернайсъ и Шустеръ въ образѣ играющаго ребенка пунктъ сравненія полагаютъ въ указаніи на непрестанное слѣдованіе образованія мірового порядка, разрушенія міра и новаго его созиданія. По мнѣнію Целлера, въ данномъ образѣ пунктъ сравненія— не въ безцѣльности дѣла ребенка и равнымъ образомъ не въ расчетливости, такъ какъ послѣдняя у ребенка можетъ быть лишь весьма посредственной, но въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго, все непрестанно

мѣняетъ свое мѣсто. Намъ кажется наиболѣе правильнымъ толкованіе Тейхмюллера ¹⁾: сравненіе указываетъ на вѣчную юность міра и на легкость, съ которой совершается все мірообразующей силой. Смыслъ даннаго фрагмента по Г. Дильсу и В. Нилендеру: „Строй міра долженъ представляться дѣтскою игрою для всякаго, кто не обладаетъ ключомъ къ теоріи Логоса“.

53. [44] — — — — Война есть отецъ всего, царь всего. Она сдѣлала однихъ богами, другихъ людьми, однихъ рабами, другихъ свободными.

Шустеръ объясняетъ: „война отецъ всего“, т. е. всѣ вещи имѣютъ въ ней источникъ своего происхожденія; „война царь всего“, т. е. она есть принципъ, управляющій всѣмъ въ мірѣ; и, наконецъ, въ-третьихъ, война есть принципъ, устанавливающій различія.

54. [47] — — — — Скрытая гармонія сильнѣе явной. *Тейхмюллеръ объясняетъ*: Видимая гармонія есть чувственный міръ, какъ цѣлое; въ немъ борьба противоположностей создаетъ гармонію цѣлаго. Скрытая же гармонія есть божественная мудрость или міровой разумъ, который все порождаетъ и всѣмъ править.

55. [13] — — — — Все то, что доступно зрѣнію, слуху и изученію, я предпочитаю.

В. Нилендеръ переводитъ: То, чему глазъ, слухъ—учителя, я цѣню прежде всего.

56. [жъ 47] — — — — Люди, говоритъ онъ, обманываются относительно познанія видимыхъ (вещей), подобно Гомеру, который былъ мудрѣ всѣхъ эллиновъ, взятыхъ вмѣстѣ. Вѣдь его одурачили дѣти, убивавшіе вшей, сказавъ: „Все то, что мы увидѣли и поймали, мы выкинули, а то, чего не увидѣли и не поймали, то носимъ“.

57. [35] ————— IX 10. Учитель же толпы Гезіодъ. Они убѣждены, что онъ знаетъ больше всѣхъ, онъ, который не зналъ, что день и ночь — одно. *Какъ указываетъ Патрикъ, начало фрагмента можно перевести и такъ*: Гезіодъ училъ весьма многимъ вещамъ (если „*πλείστον*“ понимать, какъ ср. р.).

Примѣчаніе. „День и ночь одно“, т. е. свѣтъ и тѣма понятія соотносительныя. Та же мысль выражается во фр. 99: безъ солнца не было бы ночи! Целлеръ объясняетъ смыслъ выраженія „день и ночь одно“: единое сущее бываетъ то свѣтлымъ, то темнымъ. Тейхмюллеръ даетъ физическое объясненіе: хотя днемъ преобладаетъ огненное начало, а ночью влажное и темное, однако, и днемъ и ночью одинаково имѣется и то и другое; такимъ образомъ съ физической точки зрѣнія день и ночь одно и то же и только преобладаніе того или другого начала создаетъ кажущуюся противоположность. Неудачнымъ должно признать объясненіе Шустера: день и ночь одно и то же, такъ какъ они одинаково являются раздѣленіями времени.

---

¹⁾ N. St. 3. G. d. B., II Heft, стр. 193.

58. [57, 58] ——— Добро и зло (суть одно). Такъ, врачи, говорятъ Гераклитъ, всячески рѣжутъ, жгутъ и подвергаютъ мученіямъ больныхъ; (за это) они требуютъ отъ больныхъ вознагражденія, между тѣмъ какъ они не заслуживаютъ ничего, такъ какъ они дѣлаютъ то же самое: блага и болѣзни.

Примѣчаніе, Конецъ фрагмента не вполне ясенъ. Повидимому, смыслъ таковъ: для излеченія болѣзни врачи прибѣгаютъ къ мучительнымъ средствамъ, слѣдовательно, они причиняютъ человѣку такое же зло, какъ и сама болѣзнь. Съ другой стороны, болѣзнь (какъ и все) сама переходитъ въ свою противоположность (смѣняется здоровіемъ), и врачи, излечивая, лишь содѣйствуютъ естественному стремленію самой природы; слѣдовательно, благо, которое они дѣлаютъ, тождественно съ тѣмъ благомъ, которое принесетъ естественное развитіе самой болѣзни.

59. [50] ——— Тождественъ, говоритъ онъ, прямой и кривой путь у валайнаго винта (у инструмента, называемаго раковинкой въ валайномъ аппаратѣ, поворотъ и прямой и кривой, такъ какъ въ одно и то же время онъ движется вверхъ и кругомъ).

Примѣчаніе. Рѣчь здѣсь идетъ или о чесалкѣ шерсти (гребнѣ сукновала) или о прессѣ для сукна; болѣе вѣроятнымъ является послѣднее предположеніе. Валяльный винтъ идетъ вверхъ и въ то же время, вращаясь вокругъ своей оси, совершаетъ и круговое движеніе. По другому чтенію „ἐν τῷ γραφαίῳ“ (вмѣсто γραφαίῳ) движеніе, которое оказывается одновременно прямымъ и кривымъ, приписывается орудію, которымъ писали: по Муллаху, имѣется въ виду движеніе его во время письма (такъ какъ оно двигается вверхъ и внизъ, совершая въ то же время круговыя движенія); по мнѣнію же Таннери ¹⁾, указывается на то вращеніе, которому подвергалась кисть для письма при заостреніи ея кончика, когда одновременно проводили ею и по прямой линіи.

60. [69] ——— Путь вверхъ и внизъ одинъ и тотъ же.

Примѣчаніе. Вѣроятно, смыслъ таковъ: верхъ и низъ одно и то же (т. е. одна изъ паръ противоположностей—тождествъ). Далѣе фрагментъ указываетъ и на соотносительность превращеній огня. По мнѣнію Пфлейдерера, здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду тождество жизни и смерти.

61. [52] ——— Морская вода—чистѣйшая и грязнѣйшая; для рыбъ она питательна и спасительна, людямъ же негодна для питья и пагубна.

62. [67] ——— Безсмертные смертны, смертны безсмертны: жизнь однихъ есть смерть другихъ и смерть однихъ есть жизнь другихъ.

63. [123] ——— Онъ говоритъ также о воскресеніи этого видимаго тѣла, въ которомъ мы родились, и знаетъ, что Богъ является ви-

---

¹⁾ P. Tannery. Un fragment d'Héraclite (Annales de la faculté des lettres de Bordeaux 1882 № 1).

новникомъ этого воскресенія. Онъ говоритъ такъ: „Передъ находящимся тамъ они поднимаются и становятся бодрствующими стражами живыхъ и мертвыхъ“.

64. Онъ же говоритъ также, что судъ надъ міромъ и надъ всѣми (существами) въ немъ совершается черезъ огонь. Онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „всѣмъ править Молнія“ ¹⁾ [28], то-есть она направляетъ (все), причемъ молніей онъ называетъ вѣчный огонь. Равнымъ образомъ онъ говоритъ, что этотъ огонь разуменъ и есть причина устроенія міра.

65. Называетъ же онъ его (огонь) недостаткомъ и избыткомъ [24]. Недостатокъ есть, по ученію его, образованіе міра, мировой же пожаръ—избытокъ.

[*Объяснительное примѣчаніе.* Возникновеніе нашего міра есть оскудѣніе, недостатокъ, истощаніе божества, гибель нашего міра въ мировомъ пожарѣ есть полнота, избытокъ, насыщеніе божества].

66. Ибо все, говоритъ онъ, грядущій огонь будетъ судить и осудить [26].

67. ²⁾ [36] — — — Богъ есть день и ночь, зима и лѣто, война, и миръ, насыщеніе и голодъ (всѣ противоположности. Этотъ умъ) видоизмѣняется, какъ огонь, который, смѣшавшись съ куреніями, получаетъ названіе по благовонію каждаго (изъ нихъ).

Кн. С. Трубецкой переводитъ: „и всякій даетъ ему названіе по своему желанію“.

Г. Церетели переводитъ: Божество... мѣняется подобно тому, какъ мѣняется аромать, если къ одному благовонію примѣшать другое. А называетъ божество каждый, какъ хочетъ.

Примѣчаніе. Въ этомъ фрагментѣ выражена слѣдующая мысль. Богъ измѣняется, принимаетъ различныя формы; къ единому божеству приложимы различныя названія, поскольку ими обозначаются разныя стороны его; между тѣмъ люди, вмѣсто того, чтобы вѣрить въ *многосторонность единаго* божества, ложно принимаютъ существованіе *многихъ одностороннихъ* боговъ. Бернайсъ и Патрикъ даютъ такое объясненіе: если смѣшать разныя благовонія, то каждый, соотвѣтственно своему обонянію, будетъ болѣе воспринимать запахъ того и другого благовонія, вошедшаго въ смѣсь, и сообразно съ этимъ давать смѣси названіе; точно также и Бога люди называютъ различно и это находится въ зависимости отъ того, какая сторона божества производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на даннаго индивида.

67а. [0] *Гисдосъ схоластикъ ad Chalcid. Plat. Tim.* Подобнымъ образомъ жизненная теплота, исходящая отъ солнца, даетъ жизнь всему, что живетъ. Принимая это положеніе, Гераклитъ приводитъ превосходнѣй-

---

¹⁾ В. Нилендеръ переводитъ: „А рулевой всего—Молнія“.

²⁾ Объ этомъ фр. Th. Davidson. *American Journal of Philology* 1884.

шее сравненіе паука съ душой, паутины съ тѣломъ. Подобно тому, говорить онъ, какъ паукъ, находясь посреди паутины, чувствуетъ, какъ только муха разрываетъ какую-либо нить его, и потому быстро бѣжитъ туда, какъ будто заботясь объ исправленіи нити, такъ и душа человѣка, при поврежденіи какой-нибудь части тѣла, туда поспѣшно устремляется словно не перенося поврежденія тѣла, съ которымъ она прочно и соразмѣрно связана.

68. [129] *Ямвлихъ de myst. I 11*. И вслѣдствіе этого справедливо Гераклитъ называлъ ихъ (*средства очищенія души*) лекарствами, такъ какъ они исцѣляютъ души отъ страшнаго и дѣлаютъ ихъ невредимыми отъ несчастій жизни.

69. [128] — — — V° 15. Итакъ, я различаю два вида жертвоприношеній. Однѣ (жертвы) приносятся людьми, совершенно чистыми, какъ это изрѣдка можетъ быть (въ случаяхъ, когда жертва приносится) отдѣльнымъ лицомъ, какъ говоритъ Гераклитъ, или какимъ-либо небольшимъ, легко поддающимся счету, числомъ людей [„которыхъ можно сосчитать по пальцамъ“, пер. В. Нестле]. Другія же (жертвы) матеріальныя и т. д.

70. [къ 79] — — — *de anima*. Право, насколько лучше мнѣніе Гераклита, называвшаго человѣческія мысли дѣтскими забавами.

71. [къ 73] *Маркъ Антонинъ IV° 46 (послѣ 76)*. Должно помнить и о забывающемъ, куда ведетъ дорога.

72. [93] — — — Съ тѣмъ Логосомъ, съ которымъ они имѣютъ наиболѣе постоянное общеніе, правителемъ вселенной, они расходятся, и вещи, съ которыми они ежедневно встрѣчаются, кажутся имъ незнакомыми.

Примѣчаніе. Соотвѣтственно многозначности термина „Логосъ“ начало фрагмента можно понимать различно: 1) люди находятся въ постоянномъ физическомъ общеніи съ Логосомъ (дышатъ), или 2) люди постоянно имѣютъ дѣло со словомъ, поскольку рѣчь (бесѣда) есть средство ихъ взаимнаго общенія, или 3) въ самихъ людяхъ все совершается по закону вселенскаго разума, и т. п.

73. [94] — — — Не слѣдуетъ поступать и говорить, какъ во снѣ Вѣдь и тогда кажется, будто мы дѣйствуемъ и говоримъ.

74. [къ 97] — — — Не должно поступать, какъ дѣти родителей, то-есть, выражаясь по-просту: „такъ, какъ мы переняли“.

75. [90] — — — VI° 42. Спящихъ, полагаю, называетъ Гераклитъ работниками и сотрудиниками въ міровомъ процессѣ.

По объясненію Г. Дильса, Гераклитъ имѣетъ здѣсь въ виду обмѣнъ веществъ, происходящій въ тѣлѣ человѣка ночью.

76. [25] *Максимъ Турскій XII 4 р. 489 (послѣ В 60. 62)*. Огонь живетъ смертью земли, воздухъ живетъ смертью огня, вода живетъ смертью воздуха, земля—смертью воды. *Или, слѣдуя В. Нестле, можно перевести:* Огонь оживаетъ въ смерти земли, воздухъ оживаетъ въ смерти огня и т. д.

Плутархъ de E 18. 392 C. Смерть огня—рожденіе воздуху, и смерть воздуха—рожденіе водѣ. *Маркъ IV 46 (передъ B 71).* Умерла земля—возникъ огонь, умерла вода—родился воздухъ, умеръ воздухъ—произошелъ огонь, и обратно.

77. [72] *Нуменій fr. 35 (у Порфирія).* Поэтому и Гераклитъ говорить, что душамъ удовольствіе или смерть стать влажными. Удовольствіе же для нихъ заключается во вступленіи въ рожденіе. Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что мы живемъ смертью ихъ (душъ) и онѣ живутъ нашей смертью (*B 62*).

78. [96] *Оригенъ с. Cels. VI 12 p. 82, 23 (какъ 79 и 80 изъ Цельса).* Ибо человѣческій характеръ неразуменъ, божественный же разуменъ.

79. [97] — — — (*послѣ 78*). Мужъ считается глупымъ у божества, подобно тому какъ ребенокъ у взрослога.

80. [62] — — — *VI 42.* Но должно знать, что война всеобща, что правда есть раздоръ и что все возникаетъ черезъ борьбу и по необходимости.

81. [*срв. 138*] *Филодемъ Rhet. I с. 57. 62 (изъ стоика Діогена).* Ораторское наставленіе во всѣхъ положеніяхъ имѣетъ эту цѣль и, по Гераклиту, оно ведетъ къ тому, чтобы зарѣзать (противника).

82. [99] *Платонъ Hipp. maior. 289 A.* Самая прекрасная обезьяна безобразна по сравненію съ родомъ людей.

83. [98] — — — *B* Мудрѣйшій изъ людей по сравненію съ богомъ кажется обезьяной и по мудрости, и по красотѣ, и во всемъ прочемъ.

84. [83. 82]. *Плотинъ Enn. IV 8,1 (Эфирный огонь въ человѣческомъ тѣлѣ)* „измѣняясь покоится“ и „тяжело находится подъ (непосредственнымъ) управленіемъ тѣхъ же самыхъ (господъ) ¹⁾, на которыхъ работаешь“.

85. [105] *Плутархъ Coriol. 22.* Трудно бороться съ сердцемъ. Ибо каждое изъ своихъ желаній оно покупаетъ цѣною души.

В. Алексѣевъ переводитъ: Трудно бороться съ гнѣвомъ—чего онъ захочетъ, ради того не подорожитъ жизнью (Такъ понималъ данный фрагментъ *Плутархъ*, который говоритъ, что еще съ большимъ правомъ это можно высказать о чувствѣ любви).

86. [116] — — — 38. Но большая часть божественныхъ (дѣлъ) ускользаетъ отъ познанія вслѣдствіе недостатка вѣры.

В. Алексѣевъ переводитъ: Во многомъ, что имѣетъ отношеніе къ религіи, причиной нашего невѣжества, говоритъ Гераклитъ, служить наше невѣріе.

87. [117] — — — *de aud. 7 p. 41 A.* Глупый человѣкъ обычно пугается при каждомъ словѣ.

Г. Церетели: Глупецъ при каждомъ словѣ входитъ въ азартъ.

---

¹⁾ Разумѣются элементы, образующіе тѣло.

В. Нилендеръ: Тупой человѣкъ отъ любого слова радъ сходить съ ума.

Ф. Лассаль: Неразумный человѣкъ обыкновенно изумляется всякой рѣчи.

88. [78] — *cons. ad Apoll. 10 p. 106 E.* Въ насъ (всегда) одно и то же: жизнь и смерть, бдѣніе и сонъ, юность и старость. Ибо *это*, измѣнившись, есть *то*, и обратно, *то*, измѣнившись, есть *это*.

89. [95] — *de superst. 3 p. 166 c.* Гераклитъ говоритъ, что у бодрствующихъ единый общій міръ, во снѣ же каждый уходитъ въ свой собственный (міръ).

90. [22] — *de E 8 p. 388 E.* Все обмѣнивается на огонь и огонь на все, подобно тому какъ на золото товары и на товары золото.

Примѣчаніе. По поводу даннаго фрагмента Ф. Лассаль (I Bd., стр. 222 слѣд.) говоритъ, что въ этомъ сравненіи Гераклитъ высказываетъ подлинную функцію золота глубже, чѣмъ кажется на первый взглядъ, онъ постигаетъ истинную политико-экономическую природу золота и категорию его цѣнности „правильнѣе, чѣмъ многіе современные политико-экономы“. Именно, въ сравненіи Гераклита можно вычитать ту мысль, что золото является замѣстителемъ всѣхъ вещей въ одномъ общемъ ихъ свойствѣ—цѣнности. Золото въ роли денегъ есть персонифицированная цѣнность.

91. [41. 40] — — 18 p. 392 B. Въ одну и ту же рѣку невозможно войти дважды, по Гераклиту (*срв. В 12*), и (вообще) нельзя дважды коснуться смертной субстанціи, которая была бы тождественной по (своему) свойству); но, измѣняясь съ величайшей быстротой, она разсѣивается и вновь собирается (лучше же сказать, не вновь и не затѣмъ, но въ одно и то же время она и прибываетъ и убываетъ) и притекаетъ и уходитъ.

92. [12] — *de Pyth. or. 6 p. 397 A.* Сивилла же, которая, по Гераклиту, неистовыми устами вѣщаетъ невеселое, неприкрашенное, непридуманное, достигаетъ своимъ голосомъ за тысячу лѣтъ, ибо богъ (вдохновляетъ) ее.

93. [11] — — 18 p. 404 D. Владыка, оракулъ котораго въ Дельфахъ, не сказывается, не утаиваетъ, но намекаетъ.

94. [29] — — *de exil. 11 p. 604 A.* Ибо солнце не преступитъ (положенной ему) мѣры. Въ противномъ случаѣ его настигнуть Эриніи, блюстительницы Правды.

95. [108] *Плутархъ Sympos. III pr. 1 p. 644 F.* Ибо невѣжество (свое) лучше скрывать: однако, это трудновыполнимо въ состояніи, свободномъ отъ напряженія, и при винѣ.

Примѣчаніе. Мысль, высказываемая здѣсь Гераклитомъ: *in vino veritas!*

96. [85] — — *IV 4, 3 p. 669 A.* Ибо трупы болѣе необходимо выкидывать, чѣмъ навозъ.

Примѣчаніе. Какъ полагаютъ Тейхмюллеръ, Пфлейдереръ и Чапелли, изреченіе Гераклита, что трупы менѣе цѣнны, чѣмъ навозъ, направлено противъ египетскаго обычая бальзамированія.

97. [115] — *an seni resp.* 7 p. 787 C. Вѣдь собаки лаютъ на тѣхъ, кого онѣ не знаютъ.

Примѣчаніе. Въ приведенномъ фрагментѣ „псамъ лающимъ“ уподобляютъ люди консервативнаго образа мыслей, выступающіе противъ всякихъ нововведеній и въ особенности противъ новыхъ ученій.

98. [38] — *fac. lun.* 28 p. 943 E. Души обоняютъ въ Аидѣ.

Примѣчаніе. Подобно тому какъ носы боговъ наслаждаются запахомъ сожигаемаго тука жертвенныхъ животныхъ, носы душъ услаждаются земными испареніями (см. примѣчаніе Дильса). Тейхмюллеръ объясняетъ: „души обоняютъ въ аду“, т. е. онѣ сохраняютъ дыханіе, такъ какъ дыханіе и обоняніе нераздѣльны (обуславливаютъ другъ друга).

99. [31] — *aqu. et ign. compr.* 7 p. 957 A; *de fort.* 3 p. 98 C. Если бы не было солнца, то, несмотря на остальные свѣтила, была бы ночь.

Другое пониманіе даннаго фрагмента см. въ примѣч. къ фр. 57.

100. [34] — — *Qu. Plat.* 8,4 p. 1007 D ...Вѣгъ времени. Солнце, блюститель и стражъ ихъ, опредѣляетъ, руководитъ, выявляетъ и открываетъ перемѣны и времена года, которыя приносятъ все (съ собой), по выраженію Гераклита, и т. д.

101. [80] — *adv. Colot.* 20. 1118 C. Я вопрошалъ самого себя.

Примѣчаніе. Въ этомъ изреченіи одни видятъ указаніе на то, что Гераклитъ считалъ себя самоучкой, другіе—что онъ понималъ міръ по аналогіи со своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ. Пфлейдереръ переводитъ: „Я искалъ въ самомъ себѣ“, погружался въ глубины своего я. Считаю самоуглубленіе источникомъ философіи Гераклита, Пфлейдереръ дѣлаетъ его мистикомъ.

101a. [15] *Полібій XII 27.* Ибо, между тѣмъ какъ у насъ по природѣ какъ бы два нѣкихъ органа, при посредствѣ которыхъ мы все узнаемъ и исполняемъ множество дѣлъ, (а именно) зрѣніе и слухъ, (однако) зрѣніе гораздо правдивѣе, согласно Гераклиту: „Ибо глаза болѣе точные свидѣтели, чѣмъ уши“.

102. [61] *Порфирій къ А 4.* У бога все прекрасно, хорошо и справедливо; люди же считаютъ одно справедливымъ, другое несправедливымъ.

103. [70] — *къ Э 200.* Ибо въ окружности начало и конецъ совпадаютъ.

Шлейермахеръ поясняетъ: любая точка, взятая на периферіи круга, въ такой же степени есть начало, какъ и конецъ окружности.

104. [111a] *Проклъ in Alc. I p. 525, 21.* Ибо каковъ у нихъ умъ или разсудокъ? Они вѣрятъ народнымъ пѣвцамъ и учитель ихъ—толпа. Ибо не знаютъ они, что „много дурныхъ, мало хорошихъ“.

105. [къ 119] *Схоліи Нот. А Г къ XXIII 251.* Что Гомеръ былъ астрологомъ, Гераклитъ заключаетъ отсюда (*т. е. изъ Илиады XVIII 251*) и изъ слѣдующихъ его выраженій: „Судьбы ни одинъ изъ смертныхъ не избѣгъ“ (*Илиада VI 478*) и т. д.

106. [120] *Сенека ер. 12,7*. Одинъ день таковъ, какъ всѣ остальные.

107 [4] *Секстъ Эмпирикъ VII 126*. Плохіе свидѣтели глаза и уши у людей, которые имѣютъ грубыя души.

Примѣчаніе. Этому фрагменту посвящена статья Паскаля ¹⁾, который указываетъ, что возможны два истолкованія фрагмента: 1) данныя ощущеній ложны, разумъ долженъ былъ бы ихъ исправить, но грубыя души людей не въ состояніи сдѣлать этого; 2) ощущенія даютъ истину, но грубая душа ложно истолковываетъ ее, искажаетъ принимаемую ею истину. Самъ Паскаль высказывается за первое истолкованіе, Шустеръ за второе. Противъ Дильса Паскаль говоритъ, что въ этомъ фрагментѣ придаточное предположеніе не условное (= „если они имѣютъ“), но причинное (= „такъ какъ они имѣютъ“) и характеристика относится ко всѣмъ людямъ вообще.

108. [18] *Стобей flor. I 174*. Гераклитъ: „Изъ тѣхъ, чьи рѣчи я слышалъ, ни одинъ не дошелъ до познанія, что мудрость есть отъ всего отрѣшенное“.

Примѣчаніе. Шлейермахеръ, Лассаль, Тейхмюллеръ понимаютъ „*πάντων*“, какъ средній родъ „отъ всего“ (*omnium rerum*), Шустеръ, Целлеръ, Пфлейдереръ, какъ мужск. р. „отъ всѣхъ“ (*omnium hominum*). Шлейермахеръ понимаетъ фрагментъ въ слѣдующемъ смыслѣ: истинная мудрость далека отъ „многознанія“; Лассаль: божественная мудрость возвышается надъ всѣмъ чувственнымъ бытіемъ; Шустеръ: мудрость никому не дана въ удѣлъ; также Гейнце и Патрикъ: никто не обладаетъ истинной мудростью; Целлеръ и Пфлейдереръ: мудрость шествуетъ своимъ собственнымъ путемъ, независимымъ отъ общаго мнѣнія людей. Своеобразное пониманіе находимъ у Тейхмюллера, который видитъ здѣсь зарожденіе идеи „потусторонности“ или „трансцендентности“. Ему слѣдуетъ Дильсъ, который также здѣсь у Гераклита находитъ трансцендентность божества, считая правильнымъ сдѣланное Платиномъ сопоставленіе „единого“ Гераклита съ „умомъ“ Анаксагора.

109. [108] — — — 175. Скрывать невѣжество лучше, чѣмъ выставлять его напоказъ.

110. [104a] — — — 176. Людямъ не было бы лучше, если бы исполнялись всѣ ихъ желанія.

111. [104b] — — — 177. Болѣзнь дѣлаетъ пріятнымъ здоровье, зло—добро, голодъ—насыщеніе, усталость—отдыхъ.

112. [107] — — — 178. Мышленіе есть величайшее превосходство, и мудрость состоитъ въ томъ, чтобы говорить истину и, прислушиваясь къ (голосу) природы, поступать согласно съ ней.

---

¹⁾ C. Pascal. *Sopra un punto della dottrina eraclitea* (Rendiconti Inst. Lomb., ser. II, vol. XXXIX, fasc. IV).

113. [91] — — 179. Мышленіе обще у всѣхъ.

114. [91b] — — 179 ¹⁾. Желающіе говорить разумно должны опираться на это всеобщее, подобно тому какъ государство (зиждется) на законъ и даже еще крѣпче. Ибо всѣ человѣческіе законы питаются единымъ божественнымъ. Ибо послѣдній господствуетъ, насколько ему угодно, довлѣетъ всему и все побѣждаетъ.

115. [0] — — 180a. Душѣ присущъ Логосъ, самъ себя умножающій.

Максъ Вундтъ понимаетъ данный фрагментъ, какъ ученіе о творческой природѣ логическихъ процессовъ, которые изъ самихъ себя создаютъ новыя понятія. Максъ Вундтъ считаетъ Гераклита первымъ логикомъ, его Логосъ приравниваетъ къ логическимъ операціямъ и говоритъ, что Гераклитъ нашелъ логическія отношенія въ человѣческой жизни и въ космическомъ процессѣ—однимъ словомъ, во всемъ.

116. [106] — — V 6. Всѣмъ людямъ дано (*дана возможность*) познавать самихъ себя и быть разумными.

117. [73] — — 7. Пьяный шатается и его ведетъ незрѣлый юноша. Онъ не замѣчаетъ, куда идетъ, такъ какъ душа его влажна.

118. [74—76] — — 8. Сухой блескъ: мудрѣйшая и наилучшая душа.

Или: Сухая душа—мудрѣйшая и наилучшая.

Шустеръ переводитъ: Гдѣ страна сухая, тамъ душа самая мудрая и лучшая. По Шустеру, здѣсь говорится о вліяніи климата страны на свойства духа ея жителей.

См. примѣчаніе Бернета къ его переводу этого фрагмента объ исторіи текста.

119. [121] — — IV 40, 23. Гераклитъ говорилъ, что характеръ человѣка есть его демонъ.

Примѣчаніе. Смыслъ: характеръ опредѣляетъ судьбу человѣка. По мнѣнію однихъ, здѣсь выражена мысль, что счастье человѣка зависитъ отъ него самого; другіе же полагаютъ, что здѣсь говорится о роковой природѣ характера. Совершенно произвольно Я. Моръ ставитъ „демоніонъ“ Сократа въ связь съ этимъ изреченіемъ Гераклита.

120. [30] *Страбонъ I 6 р. 3.* Лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ Гомеру Гераклитъ вмѣсто сѣвернаго полюса упоминаетъ созвѣздіе Медвѣдицы: „Границы утра и вечера—Медвѣдица и (расположенная) напротивъ Медвѣдицы гора свѣтлаго Зевса“. Вѣдь сѣверный полюсъ, а не Медвѣдица, есть граница заката и восхода.

Примѣчаніе. Много споровъ вызываетъ истолкованіе выраженія „*οὐρανὸς ἀιθροῖον Διὸς*“. Что такое представляетъ собой этотъ лежащій про-

¹⁾ Въ этомъ фрагментѣ игра словъ: ξὺν νόῳ—τῷ ξυνοῷ.

тивъ созвѣдїа Медвѣдицы пунктъ? Нѣкоторые (Шлейермахеръ, Шустеръ и др.) думаютъ, что этотъ пунктъ надо искать на южномъ небѣ. Онъ долженъ играть ту же роль, что и Медвѣдица, но только въ другомъ небесномъ полушарїи (слѣдовательно, приблизительно южный полюсъ). По Страбону, Гераклитъ хотѣлъ Медвѣдицей и другимъ пунктомъ обозначить сѣверный и южный полярный круги. По Тейхмюллеру, Страбонъ правильно понималъ этотъ фрагментъ: въ немъ рѣчь идетъ о полярномъ кругѣ, а именно, говорится, что звѣзды лежащїя „въ кругѣ Медвѣдицы“ не восходятъ и не заходятъ, но въ теченїе всей ночи вращаются вокругъ небеснаго полюса. По Бергеру ¹⁾, Гераклитъ здѣсь говоритъ о небесныхъ кругахъ (арктическомъ и антарктическомъ). Медвѣдица обозначается, какъ конецъ восхода и заката звѣздъ перваго круга, а напротивъ нея допускается пунктъ, представляющїй такую же границу для круга всегда невидимыхъ звѣздъ. Напротивъ, по мнѣнїю Дж. Бернета, смыслъ фрагмента заключается въ протестѣ противъ пифагорейскаго ученїя о существованїи южнаго небеснаго полушарїа. По Бернету, фрагментъ должно переводить: „Граница востока и запада есть Медвѣдица; а напротивъ Медвѣдицы лежитъ область (*a ne gora*) свѣтлаго Зевса“, причемъ свѣтлымъ Зевсомъ называется ясное голубое небо, а цѣлое выраженїе „область свѣтлаго Зевса“ значитъ „горизонтъ“. По Патину, утро и вечеръ мыслятся здѣсь, какъ линїи; пограничный пунктъ ихъ—Медвѣдица, а „гора свѣтлаго Зевса“—полуденная высота. И по Пфлейдереру, фрагментъ имѣетъ цѣлью указать путь солнца. По Шеферу и Дильсу, цѣль фрагмента—географическое дѣленїе. Шеферъ переводитъ: „Граница утра и вечера Медвѣдица и напротивъ Медвѣдицы пограничный камень сіяющаго Зевса“, и видитъ здѣсь обозначенїе четырехъ частей свѣта. Гераклитъ еще не зналъ южнаго полюса. Онъ просто говоритъ здѣсь о сѣверѣ и югѣ. Противъ сѣвера лежитъ гора сіяющаго Зевса, т. е. югъ, который считался у древнихъ необитаемой жаркой страной. Итакъ, смыслъ фрагмента, по Шеферу: границы между востокомъ и западомъ суть сѣверъ и югъ. Дильсъ высказывается нерѣшительно, но считаетъ возможнымъ, что подъ „горою свѣтлаго Зевса“ здѣсь разумѣется македонскїй Олимпъ: центромъ земли считался пупъ Дельфъ, Олимпъ же расположенъ на томъ же самомъ „среднемъ“ меридїанѣ. Такимъ образомъ для отграниченїя восточныхъ странъ отъ западныхъ берется линїя, идущая отъ Медвѣдицы къ Олимпу.

121. [114] — XIV 25 p. 642 *Диогенъ IX 2*. Эфесяне заслуживаютъ, чтобы у нихъ всѣ взрослые перевѣшали другъ друга и оставили бы городъ для несовершеннолѣтнихъ, за то, что они изгнали наилучшаго своего мужа Гермодора, говоря: „Пусть не будетъ среди насъ никто наилучшимъ. А разъ такой оказался, такъ пусть же живетъ онъ въ другомъ мѣстѣ и съ другими“.

---

¹⁾ Н. Berger. *Gesch. d. wiss. Erdkunde d. Griechen* 1903.

Примѣчаніе. Гераклитъ высказываетъ здѣсь принципиальное осужденіе остракизма, а не только свое личное раздраженіе по поводу изгнанія его друга.

122. [9] *Свида см. ἀμφοβατεῖν (спорить) и ἀγγιβατεῖν (приближаться).* Гераклитъ: приближеніе.

Примѣчаніе. Повидимому, приводится примѣръ игры словъ у Гераклита.

123. [10] *Θεμιστῆϊ or. 5 p. 69.* Природа же, по выраженію Гераклита, любитъ скрываться.

Объясненіе Кинкеля: Истина не подобна цвѣтамъ, которые легко срываются по пути, но есть далекая цѣль труднаго пути. Недостаточно просто открыть глаза и уши, чтобы стать мудрымъ и знающимъ.

124. [къ 46] *Θεοφραστῆ Metaphys. 15 p. 7a 10 Usen.* Но и это показалось бы нелѣпостью, если бы все небо и каждая изъ частей (его) были бы совершенно упорядочены и сообразны съ разумомъ и по внѣшнему виду, и по (внутреннимъ) силамъ, и по круговымъ движеніямъ, а въ началахъ ничего подобнаго не было бы, но, какъ говорить Гераклитъ, прекраснѣйшій строй міра (представлялъ бы собою) какъ бы кучу сору, разсыпанную на удачу.

125. [84] *Θεοφραστῆ de vert. 9.* И кикеевъ ¹⁾ разлагается, если его не встряхивать.

125a. [0] *Цецъ ad. Aristoph. Plut. 88.* Слѣпымъ же онъ изображаетъ Плутоса [*бога богатства*], такъ какъ послѣдній есть отецъ не добродѣтели, но порока. Поэтому-то и Гераклитъ Эфесскій проклятія, а не благія пожеланія высказывалъ эфессянамъ, когда говорилъ: „Пусть (никогда) васъ, эфесяне, не покинетъ богатство, дабы вы позорили себя своей испорченностью.“

126. [39] — *schol. ad. exeg. II p. 126 Herm.* Холодное становится теплымъ, теплое холоднымъ, влажное сухимъ, сухое влажнымъ.

Сомнительные, ложные и подложные фразменты.

126a. [0] *Анатолій de decade p. 36.* Но по закону временъ седмица соединяется у луны, разъединяется же она у Медвѣдицъ, этихъ двухъ знаковъ безсмертной Памяти.

126b. [0] *Анонимъ in Plat. Theaet. 71, 12 (текстъ весьма испорченъ)* Эпихармъ водилъ знакомство съ пифагорейцами, да и (самъ) придумалъ

---

¹⁾ Кикеевъ—напитокъ изъ ячменной крупы съ виномъ, медомъ и сыромъ.

нѣкоторыя иныя важныя (ученія), въ томъ числѣ разсужденіе о ростѣ. Оно ведетъ по пути, указанному изреченіемъ Гераклита: „Всегда одно растеть такъ, другое иначе, каждое согласно своей потребности“. Итакъ, если каждый непрестанно течеть и видоизмѣняется, то субстанціи, вслѣдствіе (этого) непрерывнаго (своего) теченія, въ разное время бывають разными.

127. [0] *Аристокритъ Theos. 69 (послѣ В 5)*. Онъ же сказалъ египтянамъ: „Если они боги, то зачѣмъ вы ихъ оплакиваете? Если же вы оплакиваете ихъ, то вы уже не считаете ихъ богами“.

128. [0] — 74. Видя, что эллины удѣляютъ богамъ почетный даръ, Гераклитъ сказалъ: „Статуямъ боговъ, которыя не слышатъ, они молятся, словно тѣ могутъ слышать; онѣ (ничѣмъ) не воздаютъ, подобно тому какъ и не могли бы (чего-нибудь) требовать“.

129. [17] *Диогенъ VIII 6*. Пиеагоръ, сынъ Мнесарха, предался изслѣдованію больше всѣхъ людей и, выбравъ для себя эти сочиненія, составилъ себѣ (изъ нихъ) свою мудрость: многознаніе и обманъ.

130. [0] *Гномологіумъ мюнхенскій lat. I 9*. Гераклитъ сказалъ: „Не слѣдуетъ быть до такой степени насмѣшникомъ, чтобы самому казаться смѣшнымъ“.

131. [134] — *парижскій п. 209*. Гераклитъ же говорилъ, что самонѣніе есть попятный шагъ въ движеніи впередъ.

Г. Церетели переводитъ. Ложная увѣренность въ успѣхахъ—остановка послѣднихъ.

132. [0] *ватиканскій 743 п. 312*. Почести поработщаютъ себѣ боговъ и людей.

133. [0] — 313. Дурные люди суть противники истины („правдивыхъ“ *Г. Дильсъ*).

134. [135] — 314. Образование для образованныхъ есть второе солнце.

135. [137] — 315. Онъ говорилъ, что кратчайшій путь къ хорошей славѣ (заключается въ томъ, чтобы) сдѣлаться хорошимъ.

136. [0] *Схоліи Epictet. Vodl. p. LXXI*. Гераклитъ: Души павшихъ въ сраженіи чище, чѣмъ (души умершихъ) отъ болѣзней.

137. [63] *Стобей есл. I 5,15 p. 78, 11 (послѣ Аэція I 27, см. 12 А 8)*. По крайней мѣрѣ, онъ пишетъ: „Ибо имѣется опредѣленіе судьбы на всѣ случаи“...

138. [0] *Кодексъ парижскій 1630*. Философъ Гераклитъ о жизни: По какой бы дорогѣ жизни кто ни пошелъ и т. д. (=Посидоній Epigr. 21).

139. [0] *Каталогъ кодексовъ греч. астрол. IV 32 VII 106*. Подложное сочиненіе изъ временъ христіанства подъ заглавіемъ: „О происхожденіи звѣздъ“, приписанное Гераклиту. Начало: Такъ какъ нѣкоторые говорятъ, что вначалѣ звѣзды были расположены... Конецъ: желалъ сдѣлавшій его.

С. Подражаніе.

1. *Гиппократъ de victu I 3—24* ¹⁾ (3). Живыя существа—и человѣкъ, какъ и всѣ остальные—состоятъ изъ двухъ (элементовъ), различныхъ по (своимъ) свойствамъ, но дѣйствующихъ согласно, (а именно) изъ огня и воды. Соединенія ихъ обоихъ (между собой) достаточно (для существованія) всѣхъ остальныхъ (вещей) и для (существованія) ихъ самихъ, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ, (взятый) отдѣльно, не можетъ существовать самъ по себѣ и является недостаточнымъ для (образованія) чего-либо другого. И вотъ, каждый изъ этихъ двухъ элементовъ имѣетъ слѣдующую силу. А именно, огонь можетъ рѣшительно все привести въ движеніе, вода же—рѣшительно все напитать. По очереди каждый изъ нихъ то господствуетъ (надъ другимъ), то находится подъ господствомъ (его). (И это колебаніе достигаетъ) возможныхъ максимума и минимума. Дѣло въ томъ, что ни одинъ (изъ этихъ элементовъ) не можетъ получить полного господства (надъ другимъ) по слѣдующимъ (причинамъ). Если бы огонь дошелъ до самаго конца воды, то у него оказался бы недостатокъ въ пищѣ. Поэтому онъ поворачиваетъ назадъ туда, откуда онъ можетъ получить пищу. Равнымъ образомъ, если вода доходить до самаго конца огня, то ей недостаетъ (способности) движенія. Итакъ, она останавливается на этой (точкѣ), а, когда она стоитъ, она болѣе не имѣетъ (никакой) силы, но уже (сама) становится добычей нападающаго (на нее) огня. По этимъ причинамъ ни тотъ, ни другой (элементъ) не могутъ получить полного господства. А если бы когда-либо какой-нибудь изъ нихъ былъ бы (совершенно) побѣжденъ, то не существовало бы ничего изъ того, что нынѣ существуетъ, такъ, какъ оно существуетъ теперь. Но такъ какъ положеніе дѣлъ таково (какъ выше описано), то всегда будетъ одно и то же, и ни одинъ элементъ никогда не изсякнетъ. Итакъ, какъ было мной сказано, огня и воды достаточно рѣшительно для всего, одинаково и для самаго большого и для самаго малого.

(4). ²⁾ У каждаго изъ нихъ слѣдующія свойства: у огня—теплое и сухое, у воды—холодное и влажное. Они заимствуютъ другъ отъ друга

---

¹⁾ Мы приводимъ также §§ 3 и 4 „Діететики“ псевдо-Гиппократа вслѣдствіе того значенія, которое придаютъ имъ нѣкоторые изслѣдователи (Лассаль, Дж. Бернетъ и др.). Переводъ сдѣланъ по тексту Дильса (Her. v. Eph. II Aufl., 1909).

²⁾ Мысли, высказываемыя въ этомъ (четвертомъ) отдѣлѣ, повторяетъ Лейбницъ. Въ „Монадологіи“ (*Monadologie* п. 73) онъ говоритъ: „Поэтому никогда не бываетъ также ни полного рожденія, ни совершенной смерти, въ строгомъ смыслѣ, состоящей въ отдѣленіи души. И то, что мы называемъ *рожденіями*, представляетъ собой *развитія* и увеличенія, а то, что мы зовемъ *смертями*, есть *свертыванія* и уменьшенія“ (пер. проф. Е. А. Боброва). Въ *Système nouveau de la nature* (п. 9) Лейбницъ хвалитъ автора псевдо-Гиппократа сочиненія за высказанную имъ мысль, что живыя существа не рождаются и не

(то, что каждое имѣеть): огонь (заимствуетъ) у воды влагу, ибо и въ огнѣ есть влажность; вода же (заимствуетъ) у огня сухость, ибо и въ водѣ есть сухое. Будучи же таковыми, они выдѣляютъ другъ изъ друга множество разнообразныхъ родовъ сѣмянъ и живыхъ существъ, которыя нисколько не похожи другъ на друга ни внѣшнимъ видомъ, ни силою. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ (элементы) никогда не находятся въ одномъ и томъ же положеніи, но всегда видоизмѣняются то такъ, то иначе, то и то, что изъ нихъ выдѣляется, должно быть неодинаковымъ. Ни одна изъ всѣхъ вещей не погибаетъ, и не возникаетъ ничего такого, чего и раньше не было. Измѣненія же происходятъ (только) отъ смѣшенія (вещей) и (ихъ) разъединенія. Люди обычно называютъ рожденіемъ, если что-нибудь изъ невидимаго (Аида) выросло до такой степени, что стало видимымъ; и (называютъ) гибелью, если что-нибудь уменьшилось, такъ что изъ видимаго стало невидимымъ. Ибо они болѣе довѣряютъ глазамъ, чѣмъ уму,—(глазамъ), которые вовсе неспособны судить о томъ, что они видятъ. Я же, слѣдуя уму, даю слѣдующее ученіе: и то и другое живетъ, и вѣчно-живое не можетъ умереть иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми (вещами) ¹⁾. Ибо куда ему исчезнуть? И (равнымъ образомъ) несуществующее не можетъ возникнуть (ибо откуда ему притти?) Но (скорѣе) все увеличивается и уменьшается до возможныхъ максимума и минимума. Употребляю же я слова: „возникновеніе“ и „гибель“ (только) въ дидактическихъ цѣляхъ, (для объясненія) большинству. (На самомъ же дѣлѣ) это, какъ я доказываю, есть смѣшеніе и разложеніе ²⁾. Обстоитъ же дѣло также и слѣдующимъ образомъ: возникновеніе и гибель тождественны, смѣшеніе и разложеніе тождественны, увеличеніе и уменьшеніе тождественны, возникновеніе и смѣшеніе тождественны, гибель и разложеніе тождественны: каждое (изъ нихъ) тождественно со всѣмъ (остальнымъ) и все съ каждымъ, и (однако) ни одно изъ (нихъ) всѣхъ не тождественно (съ другими). Дѣло въ томъ, что обычай ³⁾ въ этомъ отношеніи находится въ противорѣччіи съ природой.

(5) Двигается все и божественное и человѣческое, то вверхъ, то внизъ, попеременно. День и ночь имѣютъ свой максимумъ и минимумъ (*наибольшую продолжительность и краткость*). Какъ луна имѣетъ (свой) максимумъ и минимумъ (*фазы луны*), обусловленные приходомъ огня или воды, такъ и солнце имѣетъ свой максимумъ и минимумъ. Все тождественно и нетождественно. Свѣтъ=Зевсу, Мракъ=Аиду, Свѣтъ=Аиду,

---

умираютъ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ, и говорить, что древніе были „plus solides“, чѣмъ о нихъ думаютъ. О томъ же Лейбницъ говоритъ въ концѣ письма къ Des-
Maizeaux.

¹⁾ Эта и предыдущая фразы носятъ на себѣ подлинную печать Гераклита.

²⁾ Т. е. то, что для обычнаго представленія есть возникновеніе и гибель (рожденіе и смерть), то, со строго научной точки зрѣнія, есть лишь соединеніе и разъединеніе.

³⁾ Т. е. обыденный языкъ.

Мракъ=Зевсу. Во всякое время во всякомъ мѣстѣ одно идетъ сюда, другое туда. То исполняетъ дѣло *этого*, а это, въ свою очередь, дѣло того. И они не знаютъ, что они дѣлаютъ, однако, имъ кажется, что они знаютъ то, чего не дѣлаютъ ¹⁾. И что они видятъ, того не познаютъ, и, тѣмъ не менѣе, все у нихъ совершается по божественной необходимости какъ то, чего они желаютъ, такъ и то, чего они не желаютъ. И между тѣмъ, какъ одно идетъ сюда, а другое туда, вступая въ связь между собой, каждое исполняетъ опредѣленіе судьбы—и что касается большаго и что касается меньшаго. Гибель же всѣмъ другъ отъ друга, большому отъ меньшаго и меньшему отъ большаго, и равнымъ образомъ ростъ у большаго отъ меньшаго и у меньшаго отъ большаго.

(6) Все же прочее, душу человѣка и равнымъ образомъ тѣло, душа [*жизненная сила Дильсъ*] устраиваетъ. (Благодаря ей) проникаютъ въ человѣка части изъ (всѣхъ) частей, цѣлое изъ цѣлаго, представляющее смѣсь огня и воды; одно (входитъ), чтобы взять, другое—чтобы дать. И берущія уменьшаютъ, а дающія увеличиваютъ. Распиливаютъ люди дерево: одинъ тянетъ, другой толкаетъ, но оба дѣлаютъ одно и то же: уменьшая, они увеличиваютъ ²⁾. Такова природа человѣка. Одно отталкиваетъ, другое притягиваетъ; одно даетъ, другое беретъ. И кому даютъ, тотъ настолько увеличивается, и у кого берутъ, тотъ настолько уменьшается. Но (при этомъ) каждое сохраняетъ свое собственное мѣсто. То, что уменьшается, уходитъ на меньшее мѣсто, а что черезъ смѣшеніе увеличивается, то переходитъ на большее мѣсто. А чужое и неоднородное (напротивъ) выталкивается изъ чужого мѣста.

Каждая же (отдѣльная) душа колеблется между обладаніемъ большимъ и меньшимъ числомъ частицъ. Сама же она не нуждается ни въ прибавленіи, ни въ отнятіи частицъ, но, приобрѣтая для себя всякія (частицы), она для увеличенія или уменьшенія имѣющагося у нея нуждается въ мѣстѣ, въ которое она могла бы притти и гдѣ она могла бы принять притекающія (частицы). Ибо неоднородное не можетъ долго оставаться въ неподходящихъ мѣстахъ. Оно блуждаетъ безъ разума, а тамъ, гдѣ господствуетъ взаимное согласіе, оно узнаетъ сущность, къ которой присаживается. Дѣло въ томъ, что присаживается подходящее къ подходящему, а то, что не подходитъ (другъ къ другу), то враждуетъ и борется и различно другъ отъ друга. Поэтому-то душа человѣка возрастаетъ въ чловѣкѣ, но ни въ какомъ другомъ (существоѣ). И такимъ же образомъ въ другихъ крупныхъ животныхъ насильственно выдѣляется все то, что различно другъ отъ друга.

---

¹⁾ Эта фраза—весьма искусное подражаніе Гераклиту, если не заимствована прямо у него.

²⁾ Этотъ примѣръ (распиливаніе дерева), какъ и рядъ другихъ подобныхъ образовъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи, вполне могъ принадлежать Гераклиту.

(7) ¹⁾ Итакъ, остальныхъ животныхъ я оставлю (въ сторонѣ), о человѣкѣ же дамъ разъясненіе. А именно, въ человѣка входитъ душа, которая представляетъ собой смѣсь огня и воды и содержитъ въ себѣ части тѣла человѣка. Послѣднія же частью женскія, частью мужскія; онѣ многочисленны и разнообразны. Питаются и растутъ онѣ (той же самой) пищей, что и человѣкъ. Но (каждое существо) должно обладать всѣми входящими частями. Ибо то, частей чего не было бы съ самаго начала, не могло бы увеличиваться, (безразлично) притекало ли бы обильное питаніе или малое. Ибо у него вовсе нѣтъ возможности расти. А каждое, имѣющее всѣ (части), растеть въ своемъ мѣстѣ, когда притекаетъ (къ нему пища), отъ сухой воды и отъ влажнаго огня, причемъ однѣ (части) тѣснятся внутрь, другія—наружу. Такъ плотники распиливаютъ дерево: одинъ тянетъ, другой толкаетъ, и оба дѣлаютъ одно и то же. Между тѣмъ какъ они надавливаютъ внизъ, (пила) идетъ вверхъ. Ибо не во-время нельзя (ей) итти внизъ; если же примѣнить насиліе, то все дѣло испортить. Такъ же обстоитъ дѣло и съ питаніемъ человѣка. Одна (часть) тянетъ, другая отталкиваетъ. Между тѣмъ какъ (пищу) толкаютъ внутрь, она выходитъ наружу. Если же примѣняется не во-время насиліе, то все дѣло совсѣмъ разстраивается.

(8) Каждое занимаетъ то же самое положеніе до тѣхъ поръ, пока мѣсто болѣе (ничего) не принимаетъ и оно не получаетъ достаточной пищи до возможнаго максимума. Послѣ этого (оно) перемѣняетъ (свое мѣсто) на большее мѣсто; и какъ женская, такъ и мужская (часть) однимъ и тѣмъ же образомъ преслѣдуются принужденіемъ и необходимостью. Все же то, что раньше осуществило свою судьбу, раньше и выдѣляется (изъ смѣси) и одновременно входитъ въ новую смѣсь. Ибо каждое сперва выдѣляется (изъ смѣси) и въ то же время снова входитъ въ (новую) смѣсь. А если оно перемѣнило свое мѣсто и достигло правильной гармоніи, имѣющей три созвучія, заразъ проходя черезъ всѣ послѣднія, то оно продолжаетъ жить и увеличивается изъ тѣхъ же самыхъ (элементовъ), какъ и раньше. Если же оно не достигнетъ гармоніи и если низкіе (тона) съ высокими не образуютъ перваго созвучія (кварты) или втораго (квинты) или октавы, то изъ-за отсутствія одного (тона) все дѣлается напраснымъ. Дѣло въ томъ, что гармоніи не получится. Но преждевременно совершается переходъ изъ большаго въ меньшее, такъ какъ они не знаютъ, что дѣлаютъ.

(9) Что же касается мужского и женскаго, (а именно) почему возникаетъ то и другое, я покажу въ дальнѣйшемъ разсужденіи. То изъ нихъ,

---

¹⁾ Съ этого (седьмого) отдѣла начинается исторія развитія плода: сперва душа должна попасть въ подходящую среду—въ тѣло матери, такъ какъ только тамъ находится она питаніе для своего первоначальнаго роста. Вначалѣ растеть безполый зародышъ; питаніе идетъ ему изъ „сухой воды“ и „влажнаго огня“.

которое войдетъ (въ тѣло) и достигнетъ гармоніи, приводится въ движеніе огнемъ, такъ какъ оно влажно. Отъ этого движенія оно загорается и тянетъ къ себѣ кормъ изъ входящихъ въ женщину пищи и воздуха (*дысанія*). Первое (*питаніе*) повсюду (вначалѣ) одинаково (*воспринимается*), пока оно (*т. е. зародышъ*) еще рыхло; отъ движенія же и огня оно дѣлается сухимъ и твердымъ. Дѣлаясь же твердымъ, оно сжимается кругомъ и огонь, запертый внутри, болѣе не въ состояніи получать достаточной пищи и выталкивать воздухъ вслѣдствіе плотности окружающаго слоя. Поэтому онъ долженъ съѣсть находящуюся внутри влагу. Итакъ, твердое и сухое по природѣ въ образовавшемся (ядрѣ) не уходитъ пѣликомъ въ пищу огню, но отвердѣваетъ и уплотняется вслѣдствіе недостатка влаги, и вотъ это-то называется костями и жилами. Огонь же, который приводится въ движеніе благодаря примѣшанному къ нему (элементу)—водѣ, устраиваетъ тѣло согласно природѣ по (механической) необходимости слѣдующимъ образомъ. Черезъ твердыя и сухія (части) онъ не можетъ сдѣлать себѣ проходовъ на продолжительное время, такъ какъ тамъ онъ не находитъ (для себя) никакой пищи, а черезъ влажныя и мягкія (части) можетъ. Ибо онѣ суть пища для него. Но и въ нихъ находится сухость, не употребляемая огнемъ. Онѣ же соединяются другъ съ другомъ. Итакъ, самый внутренній огонь есть самый сильный, и онъ сдѣлалъ себѣ самый большой проходъ. Дѣло въ томъ, что тутъ было наибольшее влаги. Это называется желудкомъ. Такъ какъ онъ (*внутренній огонь*) не находилъ (себѣ тамъ болѣе) пищи, то онъ ушелъ наружу и сдѣлалъ проходы для воздуха (*дысанія*) и пути для доставленія пищи и ея разсылки. (Огонь) же, заключенный въ остальной (части) тѣла,—это есть самая влажная (часть) огня,—сдѣлалъ въ этихъ мѣстахъ три круговыхъ хода, которые называются пустыми жилами * * * посреди же нихъ остатокъ воды соединяется и затвердѣваетъ, и это называется мясомъ.

(10) Единимъ Логосомъ ¹⁾ огонь устроилъ все въ тѣлѣ согласно своей собственной природѣ: (онъ сдѣлалъ тѣло человѣка) подобіемъ вселенной, малое (*микрокосмъ*) соотвѣтственно большому (*макркосму*) и большое соотвѣтственно малому. Самое большое покое мѣсто въ тѣлѣ (*т. е. желудокъ*)—кладовая для сухой и влажной воды; (она устроена для того), чтобы всѣмъ (частямъ) давать и у всѣхъ брать, подобно тому какъ свойство моря—быть кормилицей подходящихъ животныхъ и гибелью для неподходящихъ. Вокругъ же этого соединенія холодной и влажной воды (*огонь образовалъ*) проходъ для холоднаго и теплаго воздуха, какъ подобіе земли ²⁾, которая измѣняетъ все, что на нее падаетъ (*т. е. огонь*

¹⁾ Т. е. по единому закону разума. Г. Дильсъ переводитъ просто: „однимъ словомъ“.

²⁾ Продолжается сравненіе между микрокосмомъ и макрокосмомъ: желудокъ уподобляется морю, кожа—землѣ. Далѣе будетъ проводиться параллель частей тѣла человѣка съ луной, солнцемъ и звѣздами.

образовалъ пористую кожу). И одно уничтожая, а другое увеличивая, онъ разсѣялъ тонкую воду и воздухообразный огонь, невидимый и видимый, выдѣливъ ихъ изъ ядра (*имѣется въ виду потъ и испареніе*). Въ этой (оболочкѣ) каждое выходитъ на поверхность по опредѣленію судьбы. Въ ней же огонь сдѣлалъ три круговыхъ хода, граничащихъ другъ съ другомъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны. Одинъ (ходъ имѣетъ границу) у впадины, (наполненной) влагою, на подобіе луны; другой же— у окружающей твердой (*кожи*) подобно тому какъ звѣзды ограничиваются поверхностью небснаго свода; средній же (ходъ) ограниченъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны двумя другими, на подобіе солнца. Это— самый горячій и самый сильный огонь, который всѣмъ править, устраивая все согласно природѣ; онъ недоступенъ ни зрѣнію, ни осязанію. Въ немъ (имѣютъ свое мѣстопребываніе) душа, умъ, мышленіе, ростъ, сонъ и бодрствованіе. Онъ управляетъ рѣшительно всѣмъ и здѣсь (*въ микрокосмѣ*) и тамъ (*въ макрокосмѣ*), никогда не отдыхая.

(11) Но люди не умѣютъ на основаніи явнаго усматривать скрытое. А именно, хотя они занимаются искусствами, подобными человеческой природѣ, однако, (этого) они не знаютъ ¹⁾. Ибо умъ боговъ учитъ ихъ подражать тому, что (совершается) въ нихъ самихъ; они же знаютъ (только), что они дѣлаютъ, и не разумѣютъ, чему они (*въ своихъ дѣлахъ*) подражаютъ. Вѣдь все подобно и неподобно, все полезно и вредно, все говоритъ и все безмолвно, все разумно и неразумно; видъ каждой (вещи) и противорѣчивъ и согласованъ. Ибо законъ и природа, посредствомъ которыхъ мы все совершаемъ, согласуются и не согласуются: законъ люди положили сами себѣ, не зная, о чемъ они постановили, природу же всѣхъ (вещей) боги устроили. И вотъ то, что установили люди, то никогда не остается однимъ и тѣмъ же: ни справедливымъ, ни несправедливымъ. А все то, что боги установили, всегда справедливо: и справедливое и несправедливое. Столь велико различіе между ними.

(12) Я же покажу, что видимыя искусства подобны тому, что происходитъ (въ организмѣ) человѣка какъ явно, такъ и тайно. Таково (напримѣръ) искусство прорицація. Изъ видимаго оно познаетъ невидимое и изъ невидимаго видимое, изъ настоящаго будущее, изъ умершаго живущее; и на основаніи неразумнаго знающій всегда правильно понимаетъ, незнающій же—одинъ разъ такъ, другой разъ иначе. Это есть подражаніе человеческой природѣ и жизни. Мужчина, сочетавшись съ женщиной, сдѣлалъ дитя. На основаніи видимаго онъ познаетъ тайное, (а именно),

---

¹⁾ Мысль подлинно Гераклитовская: все совершается по Логосу, и люди въ своихъ дѣйствіяхъ инстинктивно подражаютъ природѣ; тѣмъ болѣе удивительно, что они не знаютъ законовъ природы. По Гераклиту, все въ человѣкѣ совершается такъ же, какъ и во вселенной, и въ своей дѣятельности (искусствахъ) люди подражаютъ природѣ, и рѣчь людей— „по природѣ“. Одни и тѣ же законы господствуютъ во вселенной, въ человѣкѣ, въ языкѣ и въ дѣятельности людей.

что она зачала. Такъ человѣческій умъ, невидимый, будетъ познавать видимое. Ребенокъ становится мужемъ: (тогда) на основаніи настоящаго онъ познаетъ будущее. Умершій непохожъ на живого: (однако) благодаря мертвому человѣкъ знаетъ живое. Желудокъ неразумень. (Однако), имъ мы познаемъ, что онъ чувствуетъ жажду или голодь. (Такимъ образомъ) у искусства проризанія и у человѣческой природы одни и тѣ же явленія: для знающихъ они всегда правильны, а для незнающихъ они одинъ разъ такъовы, другой разъ иныя.

(13). [*Желѣзные инструменты*] (*Кузнецы*) посредствомъ (своего) искусства плавятъ желѣзо въ огнѣ, вызывая огонь дуновеніемъ. Они отнимаютъ (*у желѣза*) имѣющуюся у него пищу и, сдѣлавъ (желѣзо) рыхлымъ, они бьютъ его и сжимаютъ; (затѣмъ) отъ питанія другой водой оно (вновь) дѣлается твердымъ. То же самое испытываетъ человѣкъ отъ учителя гимнастики. Огонь (*солнца*) отнимаетъ имѣющуюся пищу (*у занимающагося гимнастикой*) и послѣдній (притомъ) испытываетъ сильное воздѣйствіе со стороны воздуха. Когда же онъ станетъ (отъ этого) рыхлымъ, его бьютъ, растираютъ и очищаютъ, и (затѣмъ) отъ доставленной изъ другого мѣста воды онъ (снова) дѣлается твердымъ.

(14) И валяльщики поступаютъ такъ же: они мнутъ, бьютъ, тянутъ. Посредствомъ (такого) жестокаго обращенія они дѣлаютъ (ткань) болѣе крѣпкой. Остригая то, что выдается, и расчесывая (ткань), они дѣлаютъ ее красивѣе. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ человѣкомъ.

(14) Сапожники раздѣляютъ цѣлую (*кожу*) на части и (*снова*) изъ частей дѣлаютъ цѣлое. Они рѣжутъ и колютъ и (такимъ образомъ) чинятъ испорченную (обувь). И съ человѣкомъ дѣло обстоитъ точно такъ же. Изъ цѣлаго черезъ раздѣленіе получаютъ части и изъ складыванія частей (вновь) возникаетъ цѣлое. Когда врачи колютъ и рѣжутъ больныя (мѣста), послѣднія выздоравливаютъ. Также (*дѣло*) врачебнаго искусства заключается въ слѣдующемъ: устранять то, что причиняетъ страданіе, и черезъ удаленіе того, отъ чего (человѣкъ) страдаетъ, возстановливать его здравіе. Природа сама собой умѣетъ (дѣлать) то же самое. Сидящій прилагаетъ усиліе, чтобы встать, двигающійся—чтобы остановиться. И прочее въ томъ же родѣ (является общимъ) у природы и врачебнаго искусства.

(16) Плотники пилятъ: одинъ толкаетъ, другой тянетъ,—двумя (разными) способами они дѣлаютъ одно и то же. Между тѣмъ какъ они нажимаютъ, (пила) идетъ то вверхъ, то внизъ. Уменьшая (дерево), они дѣлаютъ его большимъ (*по числу*). Они подражаютъ природѣ человѣка. Воздухъ то притягиваетъ (послѣднюю) къ себѣ, то отталкиваетъ (ее отъ себя); двумя (разными) способами онъ дѣлаетъ одно и то же. Одно оттѣсняется внизъ, другое тащится вверхъ. Отъ одной души, раздѣляющейся болѣе или менѣе, (*образуются*) большія или меньшія души.

(17) Каменьщики изъ не подходящаго другъ къ другу (матеріала) дѣлаютъ согласованное (въ своихъ частяхъ зданіе). Они увлажняютъ су-

хое, осушаютъ влажное, раздѣляютъ цѣлое и складываютъ раздѣленные (части). Если бы дѣло обстояло не такъ, то оно было бы не такимъ, какъ слѣдуетъ (ему быть). Они подражаютъ образу человѣческой жизни. Они увлажняютъ сухое, осушаютъ влажное, раздѣляютъ цѣлое и складываютъ раздѣленные (части). Все это, будучи несогласнымъ, (однако) согласуется (между собой).

(18) [Музыкальный инструментъ долженъ заключаться прежде всего въ томъ, въ чемъ обнаруживается его назначеніе]. Ряды гармоній, (образованные) изъ тѣхъ же самыхъ (*тоновъ*), не одни и тѣ же. (Всѣ они образуются) изъ высокаго и низкаго (*тоновъ*); они подобны по имени, по звуку же неподобны. Наиболѣе различное ¹⁾ наиболѣе согласуется, наименѣе же различное наименѣе согласуется. А если бы кто-нибудь сдѣлалъ все одинаковымъ, то болѣе не было бы удовольствія. Самыя многочисленныя и самыя многообразныя перемѣны (*тоновъ*) доставляютъ наибольшее удовольствіе. Повара готовятъ людямъ кушанія, соединяя всякаго рода различныя и сходныя (вещества) и изъ тѣхъ же самыхъ (составныхъ частей они дѣлаютъ) неодинаковыя (смѣси)—пищу и питье человѣку. А если бы (поваръ) сдѣлалъ все одинаковымъ, то не было бы удовольствія, и равнымъ образомъ если бы онъ состряпалъ все въ одномъ и томъ же (*горшкѣ*), то это не было бы правильнымъ (*приготовленіемъ кушаній*).

Въ струнной музыкѣ выбиваютъ (тоны) то вверхъ, то внизъ. Языкъ подражаетъ музыкѣ, различая пріятное и острое, несозвучное и созвучное во встрѣчающихся (*словахъ*). Выбиваются же тона вверхъ и внизъ, (однако) неправильны ни верхніе (тона), выбиваемые внизъ, ни нижніе, выбиваемые вверхъ. Отъ созвучія хорошо настроеннаго языка (*получаемъ*) удовольствіе, а отъ плохо прилаженнаго (языка)—муку.

(19) Кожевники вытягиваютъ, растираютъ, расчесываютъ, моютъ (*кожу*). То же самое (*представляетъ собой*) уходъ за дѣтьми. Плетущіе вѣнки вьютъ (ихъ), работая въ кругу. (Начиная) съ начала, они и кончаютъ у начала. Точно такое же круговращеніе (есть) въ тѣлѣ: откуда (оно) начинается, тамъ и кончается.

(20) Дѣлаютъ золотую вещь: бьютъ, промываютъ и плавятъ (*золото*) При слабомъ, не сильномъ огнѣ происходитъ сплавка. Обработавъ (*золото такимъ образомъ*), они пользуются имъ для всѣхъ цѣлей. Человѣкъ бьетъ (*молотитъ*), очищаетъ, мелетъ хлѣбъ, и, подвергнувъ его дѣйствию огня (испекши), пользуется имъ. При сильномъ огнѣ (хлѣбъ) въ тѣлѣ не переварится, но (*онъ удобоваримъ*) при слабомъ (огнѣ).

(21) Ваятели дѣлаютъ подобіе тѣла (за исключеніемъ души), но они не въ состояніи сдѣлать разумнаго существа. (*Они дѣлаютъ статуи*)

---

¹⁾ Т. е. наибольшіе интерваллы (октава).

изъ воды и земли, осушая влажное и увлажняя сухое. Они отнимаютъ у того, что выдается, и прилагаютъ тамъ, гдѣ недостаетъ. (Такъ свое твореніе) они изъ весьма малаго дѣлаютъ весьма большимъ. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ человѣкомъ. Онъ растетъ изъ весьма малаго до весьма большого, причеиъ отнимаетъ у того, что (слишкомъ) выдается, прилагаетъ тамъ, гдѣ недостаетъ, увлажняетъ сухое и осушаетъ влажное.

(22) Горшечники вертятъ колесо, и (однако, оно) не двигается ни впередъ, ни назадъ. (Скорѣе оно) движется направо и налѣво, подражая круговращенію вселенной. На одномъ и томъ же вращающемся (колесѣ) они выдѣлываютъ разнообразныя (горшки); хотя послѣдніе совершенно непохожи другъ на друга, однако (они сдѣланы) изъ одного и того же (матеріала) и одними и тѣми же орудіями. Точно такъ же обстоитъ дѣло съ людьми и прочими животными. Всѣ они въ одинаковомъ круговращеніи (*тѣла*) изъ того же самаго (*матеріала*) и тѣми же самыми орудіями совершаютъ совершенно различное, дѣлая изъ влажнаго сухое и изъ сухого влажное.

(23) Грамматика заключается въ слѣдующемъ: (она есть) сложеніе знаковъ, (которые являются) символами человѣческой рѣчи; (она есть) способность сохранять въ памяти прошедшее и показывать, что должно дѣлать ¹⁾: черезъ посредство семи знаковъ (*гласныхъ*) знаніе (достигается)! Тѣмъ же самымъ способомъ дѣлаетъ все человѣкъ, какъ знающій буквы, такъ и незнающій. Черезъ посредство семи знаковъ (*происходятъ*) и ощущенія у человѣка: слухъ для шума, зрѣніе для видимаго, носъ для запаха, языкъ для вкуснаго и невкуснаго, ротъ для рѣчи, тѣло для осязанія, два прохода—внѣшній и внутренній для теплаго или холоднаго воздуха. Черезъ эти (*органы*) у людей знаніе ²⁾.

(24) Занятіе (тѣлесными) состязаніями, обученіе гимнастикѣ (*заключается*) въ слѣдующемъ. Учатъ по закону поступать противозаконно, справедливо дѣлать несправедливость, обманывать, воровать, грабить, насиловать; (учатъ) самому постыдному, какъ самому прекрасному. Не дѣлающій этого плохъ, дѣлающій же это хорошъ. Доказательство глупости толпы. Они смотрятъ на это и рѣшаютъ, что изъ общаго числа одинъ хорошъ, прочіе же дурны. Много удивляющихся, мало знающихъ! Придя на площадь, люди дѣлаютъ то же самое. Люди обманываютъ, продавая и покупая. Кто наиболѣе обманулъ, тому удивляются. Когда пьютъ вино и неистовствуютъ, дѣлаютъ то же самое. Они состязаются въ бѣгѣ, борются, сражаются, воруя, обмалываютъ. Одинъ изъ всѣхъ признается побѣдителемъ.

¹⁾ Т. е., сохраняя нашъ прежній опытъ, она на основаніи его даетъ намъ указанія, какъ должно поступать въ будущемъ.

²⁾ Такимъ образомъ принимается *семь* средствъ познанія: органъ рѣчи и шесть органовъ ощущеній (слухъ, зрѣніе, обоняніе, вкусъ, осязаніе и органъ воспріятія тепла и холода).

Игра актера умышленно обманываетъ. Иное говорятъ, иное думаютъ. Выходятъ (на сцену) и уходятъ (со сцены) тѣ же самые и не тѣ же самые люди. Точно такъ же человѣку возможно одно говорить, а другое дѣлать, и одному и тому же человѣку (возможно) быть не тѣмъ же самымъ и держаться то одного мнѣнія, то другого.

Такимъ образомъ всѣ искусства имѣютъ (нѣчто) общее съ человѣческой природой.

2. — *de nutrimento.*

(1) Пища и способъ дѣйствія пищи едины и множественны...

(2) Увеличивается же, укрѣпляется, превращается въ плоть, уподобляется и становится непохожимъ то, что заключается въ каждомъ, соотвѣтственно природѣ каждаго и его первоначальной силѣ.

(8) Пища же—то, что питаетъ, пища же—то, что можетъ (*питать*) пища же—то, что будетъ (*питать*).

(9) Начало же всего едино и конецъ всего единъ; одно и то же—начало и конецъ.

(12) Пища всего въ отношеніи теплоты вредитъ и приноситъ пользу. И въ отношеніи охлажденія она вредитъ и приноситъ пользу. Что касается силы, пища вредна и полезна.

(14) Соки... движутся сами собой и не сами собой: для насъ они движутся сами собой, а съ точки зрѣнія причины не сами собой. Со стороны же причинности одно явно, другое тайно и одно дѣйственно, другое же бессильно.

(15) Природа довлѣетъ всему во всѣхъ отношеніяхъ.

(17) Все это есть единая и неединая природа. Все это—многія естества и (въ то же время) одно естество.

(19) Въ пищѣ даваніе лекарства весьма хорошо, въ пищѣ даваніе лекарства дурно. Дурно и весьма хорошо въ отношеніи къ чему-нибудь.

(21) Пища—не пища, если не имѣетъ (питательной) силы; не пища—пища, если можетъ питать. (Первая—) по имени пища, а на дѣлѣ нѣтъ. (Вторая—) на дѣлѣ пища, а по имени нѣтъ.

(23) Сліяніе воедино, единое согласіе, все сочувствуетъ (другъ другу). Согласно совершенству все, части же въ каждой части по очереди занимаются дѣломъ.

(24) Великое начало доходить до самаго конца, отъ самаго конца до великаго начала простирается связь. Единая природа—бытіе и небытіе.

(40) Созвучіе есть разногласіе, разногласіе—созвучіе. Чужое молоко превосходно, свое молоко дурно, (*и однако*), чужое молоко вредно, свое молоко полезно.

(42) Восьмимѣсячные (зародыши) существуютъ и не существуютъ. Бываетъ же въ нихъ и больше и меньше и цѣлаго и относящагося къ частямъ. Но (при этомъ) немного и большее больше и меньше меньше

[рѣчь здѣсь идетъ о времени беременности; Геллій III 16,7 даетъ слѣдующее объясненіе текста: „въ этихъ словахъ онъ высказываетъ (ту мысль), что иногда (рожденіе) происходитъ скорѣе, однако, немного скорѣе, и равнымъ образомъ (иногда) позже, (однако), немного позже“].

(45). Путь вверхъ и внизъ одинъ.

3. *Скиѳинъ изъ Теоса „Амбы о природѣ“ (IV вѣка) Сrv. 12 A 1, § 16.*

1. *Плутархъ de Pyth. orac. 17 p. 402 A...* О лирѣ, которую всю [т. е. всю гармонію міра] настраиваетъ сынъ Зевса Аполлонъ. (Въ ней) онъ соединилъ начало и конецъ, обладаетъ же онъ блестящимъ ударомъ—солнечнымъ свѣтомъ.

Сrv. В 51 и Климентъ Strom. V 8,48: Философъ Клеанъ, который прямо называетъ солнце ударомъ. Ибо всякій разъ при восходѣ оно вонзаетъ (свои) лучи, какъ бы ударяя (ими) міръ, и (такимъ образомъ) выводитъ свѣтъ на гармоническій путь; на основаніи же солнца онъ заключаетъ и о прочихъ свѣтилахъ.

2. *Стобей ecl. I 8, 43 p. 108, 6 W...* Изъ всѣхъ (вещей) время есть самое послѣднее и самое первое; оно все имѣетъ въ себѣ самомъ и оно одно существуетъ и не существуетъ. Всегда изъ сущаго оно уходитъ и приходитъ само по противоположной себѣ дорогѣ. Ибо завтра для насъ на дѣлѣ (будетъ) вчера, вчера же (было) завтра.

4. *Клеанъ fr. 537, 3—9 Arnim (Гимнъ Зевсу) у Стобея I 12 p. 25 W.*

Подлинно, тебѣ весь этотъ міръ, вращающійся вокругъ земли, повинуются, куда бы ты его ни велъ, и добровольно подчиняется твоему правленію. Подъ своей непобѣдимой властью ты имѣешь такой охотно повинующійся (тебѣ) обоюдоострый огненный вѣчноживой перунъ. Ибо отъ удара его вся природа содрагается. Имъ направляешь ты общій разумъ, который бродитъ по вселенной, примѣшиваясь къ великому свѣту и къ малымъ огнямъ.

5. *Лукианъ vit. auct. 14 (пародируетъ Гераклита).*

„Что же ты (все) плачешь, наилучшій? вѣдь я полагаю, гораздо лучше было бы поговорить съ тобой.—Гераклитъ: „Дѣло въ томъ, чужеземецъ, что я считаю человѣческія дѣла жалкими и плачевными и (не нахожу) въ нихъ ничего, что бы не было скоропреходящимъ. Вотъ поэтому-то я сожалею васъ и плачу. И настоящее я не считаю значительнымъ, а то, что будетъ въ будущемъ, считаю и совѣмъ печальнымъ, а именно, я предсказываю великій пожаръ и гибель вселенной. Объ этомъ я скорблю, а также о томъ, что нѣтъ ничего постоянного, но все нѣкоторымъ образомъ соединяется какъ бы въ кикеевъ, и тождественны удовольствіе и неудовольствіе, знаніе и незнаніе, большое и малое, верхъ и низъ; (все) идетъ кругомъ и [„въ круговой пляскѣ“ по другому чтенію] обмѣнивается (другъ на друга) въ игрѣ вѣчности“.— „Что же такое вѣчность?“—Гераклитъ. „Рѣзвящееся дитя, играющее въ камешки, разставляющее (ихъ,

и раскидывающее“.— „А что такое люди?“—Гераклитъ: „Смертные боги“.— „А что такое боги?“—Гераклитъ: „Безсмертные люди“.— „Эй ты! говоришь ли ты намеками или составляешь загадки? Вѣдь, подобно Локсію ¹⁾, ты ничего не говоришь просто и ясно“.—Гераклитъ: „Дѣло въ томъ, что я нисколько не забочусь о васъ“ ²⁾— „Поэтому ни одинъ здравомыслящій не купитъ тебя“.—Гераклитъ: „Я же велю плакать въ юности всѣмъ, какъ покупающимъ, такъ и не покупающимъ“ ³⁾.—Вотъ это-то зло близко къ меланхоліи“.

13. Эпихармъ.

Въ дошедшихъ до насъ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ Эпихармѣ заключается рядъ противорѣчій. Главными источниками о жизни Эпихарма являются Свида (см. А 1) и Діогенъ Лаэртій (см. А 3). Лоренцъ ⁴⁾ выше цѣнитъ свидѣтельство Діогена, который, по его мнѣнію, здѣсь пользовался хорошими источниками. Напротивъ, по мнѣнію Шмидта ⁵⁾, Свида въ данномъ случаѣ достовѣрнѣе Діогена, такъ какъ въ своихъ сообщеніяхъ о драматическихъ поэтахъ Свида основывался на самыхъ достовѣрныхъ писателяхъ (какъ доказали своими изслѣдованіями D. Volkman и С. Wachsmuth). Однако, внѣшняя исторія жизни Эпихарма наиболѣе правильно передана Діогеномъ.

Эпихармъ родился на островѣ Косъ въ 58—62 ол. (550—530 г.). Когда ему было всего три мѣсяца, отецъ его Геллоалесъ переселился съ семьей въ Сицилію (въ новую Мегару). Въ Сициліи провелъ Эпихармъ всю свою жизнь ⁶⁾, и поэтому часто его называютъ сицилійцемъ ⁷⁾. По разрушеніи новой Мегары Геллономъ Эпихармъ, уже старикомъ, прибылъ

¹⁾ Локсій—прозвище Аполлона, указывающее на двусмысленность его изреченій.

²⁾ Т. е. мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, поймете ли вы меня или нѣтъ.

³⁾ Въ интересахъ смысла, можетъ быть, лучше было бы исправить текстъ Дильса слѣдующимъ образомъ: вмѣсто „*ἀνῆσται σέ τις*“ я бы читалъ „*ἀνῆσται σοῦ τις*“ и вмѣсто „*ἀνεομένοισι*“ читалъ бы „*δνημένοισι*“. Переводъ по внесеніи этихъ поправокъ: „Поэтому ни одинъ здравомыслящій не извлечетъ пользы отъ тебя“.—Гераклитъ: „Я же редко плакать въ юности всѣмъ, какъ извлекающимъ пользу, такъ и не извлекающимъ“.

⁴⁾ Aug. Lorenz. *Leben und Schriften des Koers Epicharmos* 1864.

⁵⁾ L. Schmidt. *Gött. gelehrte Anzeigen* 1865.

⁶⁾ Нѣкоторые историки безъ достаточнаго основанія принимаютъ двѣ продолжительныхъ побѣдки Эпихарма: 1) въ Великую Грецію, чтобы слушать Пинегора, и 2) на родину Косъ, откуда онъ вернулся, по ихъ мнѣнію, вмѣстѣ съ Кадмомъ, царемъ Коса, добровольно сложившимъ съ себя власть.

⁷⁾ Кайбель (*Paulys Real-Encycl. d. class. Alt. VI. 1909*), расходясь съ другими изслѣдователями, полагаетъ, что Эпихармъ былъ родомъ изъ сицилійскихъ грековъ, и считаетъ ложными сообщенія Діогена, что Эпихармъ родился на островѣ Косъ и что его отецъ назывался Геллоалесъ.